
САРА АДАМ
о любви, которая не прощает лжи
ТЁМНОЕ
влечение
18+

Сара Адам

Темное влечение

Серия «Братья Блэквуды», книга 2

https://litres.ru/74833092
SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Агата Мерфи совершила ошибку, которую так и не смогла себе простить. Потеряв дом и привычную жизнь, она была вынуждена начать всё с чистого листа.

Когда судьба сталкивает её с Ронаном Блэквудом, влиятельным главой ирландского криминального клана, Агата и представить не может, насколько сильно изменится её жизнь. Мужчина, с которым у неё, казалось бы, нет ничего общего, становится её спасением и тем, кого она полюбит сильнее собственной жизни.

Но всё рушится в одночасье, когда Ронан находит её старые дневники и узнаёт правду, которую Агата поклялась никогда не раскрывать.

Теперь под угрозой оказывается всё, что они построили вместе. Ведь некоторые тайны способны разрушить даже самую сильную любовь. И есть ложь, за которую приходится платить слишком высокую цену.

Содержание

От автора	4
Темное влечение	5
Пролог	6
Плейлист к роману	7
Глава 1 Судьбоносная встреча	8
Глава 2 Жар	20
Глава 3 Непослушная	30
Глава 4 Параллель	44
Глава 5 Точка невозврата	60
Глава 6 Последствия	78
Глава 7 Границы	102
Глава 8 Дом	112
Глава 9 Не друзья	122
Глава 10 Сценарий	133
Глава 11 Краски	148
Глава 12 Почти признание	163
Глава 13 Полутона	173
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Темное влечение

От автора

«Темное влечение» — самостоятельный роман о Ронане Блэквуде и Агате Мерфи, героях, с которыми вы уже могли встречаться на страницах «Опасной близости».

Несмотря на то что обе истории можно читать независимо друг от друга, для более полного погружения в мир героев и понимания некоторых сюжетных линий я рекомендую познакомиться с обоими романами.

И если после «Опасной близости» вам покажется, будто вы прокатились на американских горках, то «Темное влечение» подарит совершенно другие ощущения. Словно вы уютно устроились под тёплым пледом с кружкой горячего чая.

Это история согреет ваше сердце и напомнит, что каждый заслуживает второго шанса.

Телеграм-канал автора https://t.me/saradarkbooks

Темное влечение

Посвящается каждому, кто хоть раз совершал ошибки.
Посвящается всем…

Пролог

Говорят, невозможно любить
двоих мужчин одновременно.
Ложь. Моё сердце смогло.

Некоторые ошибки ломают тебя. А некоторые заставляют бежать из собственного дома.

Оставив прежнюю жизнь позади, я надеялась начать всё с чистого листа. Но однажды прошлое всё-таки настигло меня, и незажившие раны снова начали кровоточить.

Итак, давайте обо всём по порядку.

Меня зовут Агата Мерфи. Вы хотите узнать мою историю?

Плейлист к роману

Lloyd — You (No Rap)
Lewis Hanton — Love x Ayo Technology
Dave feat. Tems — Raindance
Ariana Grande — bye (Altare Remix)
French Montana feat. Swae Lee — Unforgettable
Swedish House Mafia &The Weeknd — Moth to a Flame
Rihanna — Where Have You Been
Usher — Hey Daddy (Daddy's Home)
50 Cent feat. Ne-Yo — Baby by Me
Kendrick Lamar &SZA — All the Stars
Cassie — Long Way 2 Go
Jay Sean — Ride It
Sting — Shape of My Heart
G-Eazy &Halsey — Him &I
Nelly Furtado feat. Timbaland — Promiscuous
Aventura — El Perdedor

Глава 1 Судьбоносная встреча

Новые сапожки хлюпают по лужам, и брызги разлетаются во все стороны. Погода в Дублине стоит дождливая уже несколько недель, и сегодняшний день не исключение.

От зари до зари дождь льёт как из ведра, с небольшими перерывами. Но даже тучи и серая, унылая атмосфера не заставят меня любить этот город меньше.

Запахнув пальто сильнее, я бегу по территории частной больницы, не сбавляя темпа. Начальство в последние дни делает недвусмысленные намёки на то, что мои бесконечные опоздания с обеденного перерыва, во время которого я навещаю подругу, порядком надоели.

К Лилит я приезжаю каждый день, но больница находится в другой части города, и на такси особо не наездишься. Сбережений у меня немного, а аренда квартиры съедает львиную долю зарплаты.

Я люблю свою работу в галерее и горжусь должностью арт-консультанта, ведь это была мечта всей моей жизни. Потерять её для меня равносильно смерти, но моя лучшая подруга едва выкарабкалась из реанимации. Она в прямом смысле слова боролась за жизнь, и я не могу не быть рядом в такой непростой период.

Ветер задувает под одежду, тело уже слегка потряхивает от того, насколько я продрогла. От автобусной остановки бе-

жать минут десять, но в плохую погоду это настоящая пытка.

Надеюсь, мой слабый иммунитет выстоит и я не заболею. Не очень бы хотелось слечь с температурой, учитывая, сколько обязанностей перед новой выставкой.

На входе в здание я, естественно, поскальзываюсь, едва не распластавшись на кафеле. Такой грации можно только позавидовать.

— Дорогая, тебе уже пора оформляться к нам, — с улыбкой замечает медсестра в отделении.

Я невольно смеюсь в ответ, испытывая жуткий стыд: с собранного зонтика капли падают прямиком на пол.

Теперь персоналу придётся вытирать следы моего визита. Уверена, я не единственная, кто наследил, но от этого не менее неловко.

К палате практически бегу, заметив на наручных часах, что осталось совсем мало времени, чтобы навестить подругу и вернуться в центр. Однако, ворвавшись внутрь, я резко притормаживаю, ощутив, как краснеют мочки ушей. Да, вот такая у меня особенность.

— Всем привет, — решительность тут же убавляется, потому что помимо Лилит в палате находятся её муж Киллиан и его брат Ронан. — Надеюсь, я не помешала?

С Киллианом я хорошо знакома, а вот с его старшим братом, Ронаном Блэквудом, нет. Точнее, я видела Ронана на фотографиях, знаю его заочно, а вот он о моём существовании до этого момента не подозревал.

— Глупости, конечно, нет, — подруга тянет руки для объятий.

Я откладываю зонтик, прохожу к кровати и аккуратно прижимаю её к себе. Глажу рыжую копну волос, мысленно ужасаясь тому, что могла потерять свою любимую язву Лилит.

— Ты не предупредила, что у тебя будут гости, — шепчу, едва заметно кивнув на Блэквудов.

— Агата, познакомься со старшим братом Киллиана, — Лил указывает в сторону высокого и широкоплечего молодого человека, внешне похожего на её супруга.

— Ронан Блэквуд, — приятный низкий тембр мужского голоса моментально располагает к себе. — Рад знакомству, Агата.

— Взаимно, — безуспешно скрываю смущение. — Я на самом деле ненадолго заглянула.

В голову сразу закрадываются мысли о том, что симпатичный брюнет с выразительными голубыми глазами шокирован моим пострадавшим из-за погоды видом. Я хоть и бежала под зонтом, из-за ветра дождь хлестал со всех сторон.

Ох, наверное, тушь размазалась. Со мной явно что-то не так. Почему он продолжает заинтересованно смотреть?

— Раз Лилит в надёжных руках, я побегу обратно на работу, — нервно перебираю ремешок сумки. — Мы готовимся к новой выставке в галерее, и дел невпроворот.

Но едва я успеваю это сказать, как Ронан Блэквуд вдруг

делает шаг в мою сторону.

— Я как раз собирался выезжать. Могу подбросить, если вы торопитесь.

— Нет, не нужно!.. — решаю тактично отказаться. К чему утруждать такого наверняка занятого человека?

Ронан и Киллиан Блэквуды — главы клана Портовых, одной из группировок, контролирующих преимущественно портовые районы Дублина.

— Ещё как нужно, — вмешивается Лилит, весело подмигивая. — Посмотри, на улице дождь льёт как из ведра. Аги, не отказывайся. Пусть Ронан отвезёт тебя.

От одной мысли, что мне снова придётся бежать под ливнем на автобус, а затем возвращаться к рабочим обязанностям, поездка с Ронаном уже не кажется плохой идеей.

— И всё же я откажусь, — поджимаю губы, глянув на хмурого Киллиана. Он стоит неподвижно, погружённый в собственные мысли. Лилит едва не погибла, прикрывая мужа собой. С тех пор он сам не свой.

— Агата, отказы не принимаются. Я буду рад компании, — перехватывает внимание Ронан, и я уверена, что он заметил то, с какой грустью я глядела на Киллиана.

— Хорошо, — сдаюсь, полностью капитулируя.

Обнявшись на прощание с подругой, желаю им хорошего дня и следую за Ронаном Блэквудом, подмечая, какой он высокий и статный.

На нулевой этаж, в паркинг, мы спускаемся на лифте.

Особая энергетика Ронана так сильно давит, что, несмотря на небольшое пространство, я стараюсь держаться чуть поодаль.

— Мне нужно в центр, — украдкой бросаю короткий взгляд на мужчину и перевожу его на своё отражение в хромированных створках лифта.

С досадой я разглядываю не особо презентабельный вид, а именно спутанные тёмные волосы, едва доходящие до лопаток. Дабы не выглядеть глупо, как бы невзначай подтираю подушечками пальцев тёмные разводы туши под глазами и слегка расправляю прядки волос. Не хочется произвести о себе дурное впечатление.

Женщина всегда должна выглядеть опрятно, именно так говорит мама.

— Это не будет проблемой? — уточняю, повернувшись к мужчине, так как ответа от него не поступает. Центр считается территорией О'Коннеллов, отца и брата Лилит. Вдруг Ронан не захочет туда ехать?

Ронан смотрит в упор, и складывается впечатление, что всё это время он беспрерывно наблюдал за моими манипуляциями с внешним видом.

Ох…

— На пересечение Графтон-стрит и Нассау-стрит… — на этих словах уже слегка переминаюсь с ноги на ногу.

Мистер Блэквуд продолжает молча смотреть. Возникает ощущение, будто он догадывается, что я знаю больше, чем

должна, о текущем положении дел в криминальном бомонде Дублина.

— Давно с Лилит дружите? — подтверждает мои мысли мужчина, похоже прощупывая почву.

Я первой прерываю зрительный контакт, и лифт очень вовремя останавливается, сообщая о прибытии. Металлические створки раскрываются, Ронан пропускает меня вперёд, едва заметно кивнув в сторону выхода.

— С самого детства. Я выросла в поместье О'Коннеллов, — произношу, а мысленно добавляю: ваших заклятых врагов.

Возможно, именно поэтому мне слегка неуютно находиться рядом с Ронаном. Это ощущается чем-то неправильным, словно я предаю себя и место, которое долгие годы было моим домом.

— Интересно, — тянет собеседник, двигаясь к отполированному чёрному автомобилю.

Не особо в них разбираюсь, но, вроде бы, это «Audi». Причём явно не дешёвая, что неудивительно, учитывая состояние их клана.

— Моя мама работает управляющей в особняке О'Коннеллов уже более двадцати пяти лет, — даю понять, что в этом нет ничего особенного. Я всего лишь дочь персонала, а не одна из наследниц богатых семей.

— Интересно, — повторяет Ронан намеренно.

Он делает это, хитро блеснув глазами, не скрывая весё-

лого тона, а я, не сдержавшись, расплываюсь в смущённой улыбке.

Спутник галантно открывает пассажирскую дверь, я старательно смотрю куда угодно, но не на него. За мои двадцать три года это второй мужчина, при котором я испытываю необъяснимые чувства: от странного волнения до неуместного трепета перед его вниманием.

— Всё-таки мне очень неудобно отрывать вас от дел, — медленно вдыхаю, наполняя лёгкие приятным ароматом мужского парфюма, стоит спутнику занять водительское кресло. — Можете высадить меня где-нибудь по пути.

— Не люблю, когда мне выкают. Давай на «ты»?

Ронан располагающе улыбается, так что можно подумать, будто мы с ним тысячу лет знакомы.

— Конечно, давай! — охотно соглашаюсь, даря улыбку в ответ.

Мне кажется, что сейчас он скажет что-то ироничное или посоветует меньше рефлексировать, ведь подвезти девушку в дождь — обычное дело, но Ронан не делает этого.

— Значит, работаешь в галерее? — похоже, спрашивает с искренним интересом, и разговор перетекает в дружеское русло.

«Audi» тем временем вклинивается в поток машин. Я заметно расслабляюсь под дневным светом, а не во мраке подземной парковки.

— Всего несколько месяцев, на самом деле, — есть у ме-

ня плохая привычка заниматься обесцениванием. — Я арт-консультант.

— Любишь искусство?

Печка в салоне работает на полную мощь, судя по тому, что мне с каждой секундой становится всё жарче. Можно попросить убавить температуру, но я не решаюсь. Вместо этого слегка распахиваю полы пальто, безрезультатно пытаясь справиться с жаром.

— А ты? Не любишь? — зачем-то отвечаю вопросом на вопрос, на что мужчина ухмыляется.

Сначала я не могу взять в толк, почему его забавляют мои слова, а потом осознаю, что задала вопрос одному из глав Портовых. Мафия и искусство находятся по разные стороны в нашем мире.

Вот же глупая!

— Прошу прощения, я не подумала, — оправдываюсь сконфуженно. — Это было неуместно с моей стороны.

— Не нравится доставлять людям неудобства, да? — произносит с вопросительной интонацией, но создаётся ощущение, что ответ его не особо интересует, так как вывод уже сделан.

Опровергнуть сложившееся мнение не успеваю: меня опережает собственный чих, разнёсшийся по салону. Стыд заставляет густо покраснеть и желать уменьшиться в несколько раз от неловкости, а то, что происходит дальше, вовсе выбивает из колеи.

Ронан без промедления и разрешения прикладывает тыльную сторону ладони к моему лбу, а затем к щеке. Так спокойно, словно это обычное дело.

По позвоночнику проходится волна мурашек, а мужчина тем временем скользит по мне сканирующим взглядом.

— Плохо себя чувствуешь?

Вынырнув из-под гипнотизирующих чар, следуя его примеру, тоже проверяю температуру и облегчённо выдыхаю.

— Нет, всё в порядке, — отрицательно мотаю головой, моля высшие силы, чтобы это действительно было так.

Ронан хмурится. Это я распознаю по залёгшей складке между его бровей. Затем произносит строгим тоном:

— Давай я тебя лучше домой отвезу. Диктуй адрес.

— Нет-нет-нет! Мне нужно в галерею, — слишком уж бурно реагирую я. — У меня много работы, и начальник будет недоволен, если я не вернусь с обеденного перерыва.

— Рабство давно отменили, Агата.

— Знаю, но у меня на четыре часа назначена встреча, я не могу её отменить.

— Никто заменить не может? — Ронан вскидывает тёмную густую бровь.

— В таком случае я потеряю процент от продажи картин, — неопределённо веду плечом, тут же решив, что не стоило этого говорить.

Спустя минуту молчания собеседник понимающе кивает, это я замечаю боковым зрением.

— Вы с Лилит очень разные, — делится очередным наблюдением, внимательно следя за дорогой.

— Это тоже интересно? — пытаюсь вернуть непринуждённость беседы, на что Ронан согласно кивает. — Ты всех анализируешь или только меня?

Слова вылетают прежде, чем я успеваю понять, что они звучат… кокетливо?

— А ты со всеми так осторожничаешь или только со мной?

Блэквуд поворачивает голову, на этот раз разглядывая меня чуть дольше положенного.

— Я не осторожничаю, — на самом деле лгу без зазрения совести.

— Врёшь, — спокойно замечает он, а я залипаю на том, как уверенно Ронан держится за рулём. — И делаешь это не очень убедительно.

Машина тем временем поворачивает на Графтон-стрит, я слегка разочарованно вздыхаю, словив себя на мысли, что хочу продлить эту поездку как можно дольше.

— Останови, пожалуйста, около сувенирной лавки, — прошу, проигнорировав последние слова. Вру я и вправду плохо. — Не хочу, чтобы у коллег и начальства возникли вопросы.

У мамы с самого моего детства был пунктик в воспитании: я никогда и никому не должна рассказывать правду о том, что происходит дома. На любые вопросы о том, как дела

и как учёба, у меня была заготовлена притворная улыбка и один и тот же ответ: всё хорошо.

С тех пор и закрепилось правило не становиться поводом для сплетен и перешёптываний.

— Как прикажете, — Блэквуд выполняет просьбу, паркуя автомобиль рядом с большими витражными окнами магазина.

В груди растекается приятное тепло. От глубокого тембра, лёгкой усмешки на губах и от того, что он понял меня без лишних слов.

Ронан выходит первым, обходит автомобиль и помогает выбраться. Он двигается так легко и грациозно, словно хищник в своей привычной среде обитания.

Наши пальцы соприкасаются, я в сотый раз подавляю смущение, а когда мужчина отпускает мою ладонь, спешно сжимаю пальцы, унимая мелкую дрожь.

— Спасибо большое, что подвёз! — благодарю, прижимая к груди собранный зонтик. За время поездки дождь прекратился, но собравшиеся на небе тучи дают понять, что это ненадолго. — Ну… пока?

Странно, но прощаться вовсе не хочется. Моя должность обязывает к общению с людьми. Удивительно, но ни с кем из них мне не было так интересно, как сегодня с Ронаном.

— До встречи, Агата, — кивает в ответ.

Силой воли я заставляю себя отвернуться, посмотреть по сторонам и перебежать дорогу на противоположную сторо-

ну. Мне стоит нечеловеческих усилий сдержаться и не обернуться, но это потому, что не хочу показаться глупой и заносчивой.

Ускорив шаг, я направляюсь к галерее с красивой белоснежной вывеской:

«Liffey Art House».

Необъяснимое предчувствие того, что это далеко не последняя наша встреча, усиливается ощущением прожигающего спину взгляда.

Глава 2 Жар

Всё-таки я простыла. Как бы ни упрашивала свой организм держаться, ближе к пяти часам у меня поднимается температура.

Стоит проводить посетителей, абсолютно не колебавшихся при покупке картины «Перед штормом» Эоина Дойла для гостиной и второй работы из той же серии для спальни, как я чувствую лёгкую тошноту и головокружение.

Пока закрываю сделку, подготавливаю сертификат подлинности и договариваюсь о доставке картин их новым владельцам, тело бросает то в жар, то в холод.

Лекарств у меня с собой нет, а оставлять обязанности и бежать через несколько кварталов в аптеку под дождём не самая лучшая идея. В общем, я решаю дождаться конца рабочего дня и купить жаропонижающее около дома, благо живу от галереи в пятнадцати минутах ходьбы.

В остальном вторая половина дня проходит быстро, учитывая количество дел перед выставкой. Нужно перепроверить подписи к работам и обязательно исправить описания. А ещё развесить оставшиеся картины, но наш мастер на все руки Патрик, отвечающий за тяжёлую физическую работу, в очередной раз ушёл в запой и вот уже второй день не выходит на смену.

Это сильно тормозит процесс, поэтому начальник на взво-

де.

Когда часы отбивают почти восемь вечера, я едва ли стою на ногах. Рабочий день давно окончен, и галерея постепенно пустеет.

Пальто не до конца просохло, но я вынужденно его надеваю, в то время как Финн что-то проверяет в планшете у стойки ресепшена.

— Делай что хочешь, но завтра ты обязана быть в галерее, — бросает начальник, не поднимая головы. — До среды всё должно быть готово к выставке. Ты же помнишь, какие люди приглашены? Мы не можем ударить в грязь лицом.

Ответить я не успеваю. Стройная фигура Меган появляется в проёме.

— Да ладно вам, Финн, — блондинка проходит мимо нас, на ходу поправляя волосы и застёгивая стильную бежевую куртку. — Посмотрите на Агату, она совсем плохо выглядит, бедняжка.

Меган, она же администратор, сладко улыбается, мазнув по мне незаинтересованным взглядом.

— Тем более Клэр полгода работала одна, — добавляет между делом.

Я вздыхаю, прекрасно улавливая тонкий намёк от коллеги. Меган и Клэр лучшие подруги, а учитывая тот факт, что вторая из них на должности арт-консультанта, клиентов мы делим пополам.

Несложно догадаться, что Клэр сразу же меня невзлюби-

ла, соответственно, и Меган тоже.

— Теперь Клэр работает не одна, — чеканит Финн, раздражённый текущим положением дел. — Агата, ты поняла?

— Да, я завтра буду, — снова чихаю, спешно прикрываясь ладонью, едва успев договорить.

Перед самым выходом заранее вызываю такси, понимая, что дойти пешком у меня не хватит сил. Каждая мышца налита свинцом, кости неприятно скручивает, подсказывая, что я не на шутку влипла.

Влажный вечерний воздух сопровождается запахом дождя и мокрого асфальта.

Финн закрывает галерею, ставя помещение на сигнализацию, а я, не глядя перед собой, спускаюсь следом за девочками по лестнице вниз, уныло наблюдая в приложении, что машина до сих пор не найдена.

— Подбросить до дома? — предлагает начальник, сравнявшись со мной.

— А мы подобной чести за столько лет не удостаивались, — тянет Клэр, держа Меган под руку, и обе подруги многозначительно переглядываются.

— Я уже вызвала такси, — поворачиваюсь к мужчине, проигнорировав чужое замечание, и демонстрирую экран телефона.

Девушки, бросив в унисон короткое «до завтра», удаляются. Я провожаю их спины коротким взглядом и сильнее сжимаю телефон в ладони. Машина всё ещё не найдена.

— Ты правда плохо выглядишь, — хмурится начальник. — Давай я подожду с тобой такси.

Стоять становится всё тяжелее. В какой-то момент даже возникает мысль сесть на ступеньки. Бедный организм вовсю трубит о необходимости хорошего отдыха и, конечно же, лечения.

— Прошу вас, не утруждайте себя, — вскидываю голову. — Всё в порядке, правда.

Ужасно неловко заставлять начальника ожидать вместе со мной, тем более приложение такси до сих пор находится в поиске. Может, всё-таки стоит согласиться на его предложение?

Рёв двигателя вытесняет мысли из головы, заставляя вздрогнуть и обернуться на звук.

Нет. Нет. Нет.

Это не может быть он!

Иссиня-чёрная «Audi» плавно притормаживает возле нас с Финном, и моё трепещущее сердце делает волнительный кульбит.

Он…

Ронан Блэквуд выходит из машины, обходит её и открывает пассажирскую дверь, кивнув без лишних предисловий.

— Составишь мне компанию?

— Ронан… я… — сглатываю, подбирая слова.

Переминаясь с ноги на ногу, мнусь в нерешительности. В голове тысяча и одна мысль: уместно ли это? Зачем Ронан

приехал? Что подумает Финн? Неужели предчувствие о далеко не последней встрече было неспроста?

— Садись, Агата.

Стоит Ронану произнести это короткое предложение спокойно, но вместе с тем невыносимо властно, как я уже слабовольно иду навстречу. Благо вовремя вспоминаю про Финна и оборачиваюсь, коротко прощаясь.

Начальник переводит взгляд с меня на Ронана и обратно, кивнув.

Я ныряю в тёплый салон автомобиля, совершенно не подумав о том, что стоило представить мужчин друг другу.

— Ронан, мне так неловко!.. Но не нужно было приезжать…

В тронувшемся автомобиле, под сопровождение начавшегося дождя, вдруг подмечаю, что, помимо прочего, мой голос становится более сиплым.

— Думала, я оставлю тебя одну в таком состоянии? — снова он смотрит таким взглядом, от которого у меня внутри всё трепещет.

Почему ему не всё равно?

Задать этот вопрос вслух не решаюсь. Вместо этого произношу:

— Спасибо тебе большое! Обо мне давно так никто не заботился.

Прикусив язык, вдруг осознаю, что сболтнула лишнего. У меня нет цели вызвать жалость или, наоборот, польстить

Ронану. Как-то само собой вырвалось.

— Я сорвал планы? — вопрос звучит неожиданно, поэтому, о чём речь, догадываюсь не сразу. — С тем блондином.

— Это мой начальник. Финн, — отрицательно мотаю головой, улыбнувшись. — Он предложил подвезти домой, а после отказа вызвался дождаться вместе со мной такси.

Из-за температуры мне мерещится, что по лицу Блэквуда проходится лёгкая тень одобрения при слове «отказ».

Автомобиль останавливается на светофоре, и Ронан оборачивается назад, а через несколько мгновений на моих коленях оказывается увесистый бумажный пакет.

— Что это? — перевожу удивлённый взгляд на мужчину.

— Лекарства, — поясняет, как нечто само собой разумеющееся.

— Это лишнее, правда. Я собиралась зайти в аптеку около дома, — не хочу казаться в его глазах совсем жалкой и беспомощной.

— Агата, я так полагаю, ремня ты тоже давно не получала? — Ронан коротко усмехается.

У меня галлюцинации из-за температуры? Или он действительно это сказал?

— Да. Давненько, — поджимаю губы, сдерживая рвущийся наружу смех.

Расслабившись, я наконец приоткрываю пакет, оглядывая содержимое. Внутри действительно оказываются необходимые лекарства: жаропонижающее, леденцы от боли в горле,

капли для носа и ещё как минимум несколько неизвестных упаковок, лежащих на самом дне.

— Поблагодарить можно? Или за это тоже ремень?

— Можно, — благосклонно кивает любитель пошутить.

— Спасибо, Ронан! Я твоя должница, — болезнь странно влияет на мой воспалённый мозг, иначе не понимаю, почему мне невыносимо сильно хочется подкрепить слова действиями.

Сжать его руку, например. Или поцеловать в щёку.

— Уже придумала? — застаёт врасплох, словно прочёл мысли.

— Что? — тут же краснею я.

— Как будешь отплачивать?

Несколько долгих секунд я глупо хлопаю ресницами, пока до меня не доходит смысл.

— Не издевайся. Я и так сижу с температурой, а ты заставляешь меня всё сильнее краснеть! — голос звучит смущённо, но мне хотелось бы добавить немного укора.

— А может, мне нравится, как ты краснеешь, — лукаво подмигивает мужчина.

К моменту, когда «Audi» поворачивает на Райтманс-роуд, я буквально полыхаю.

— Можешь остановить здесь, — указываю на швейную мастерскую в моём доме.

Ронан паркует автомобиль, выходит первым и помогает выбраться наружу, протянув руку. Стоит нашим ладоням со-

прикоснуться, как я едва заметно вздрагиваю.

Кожу приятно покалывает, но я нахожу в себе силы отстраниться. Если бы я этого не сделала, Ронан продолжал бы держать?

— Могу я пожелать спокойной ночи? — внутри меня трепещет каждая клеточка, ноги еле держат, но я не уверена, что это от болезни.

— Провожу до квартиры, потом пожелаешь.

— Не стоит, у меня ещё есть дела, — ныряю в сумку, вытаскивая пачку влажного корма.

— Агата, — мужской тон звучит предупреждающе. — Это не обсуждается.

— Хорошо, тогда тебе придётся подождать, пока я покормлю Ириску, — пожимаю плечами, посчитав это немного смешным. — У меня есть маленький друг. Идём, познакомлю вас с ней.

Ронан Блэквуд, один из глав клана Портовых, будет стоять рядом и смотреть, как я вожусь с котёнком. Я могла бы стоять на своём, но смысла нет. Спорить бесполезно. Отличительная черта Блэквудов — доводить дело до конца.

На задний двор дома мы добираемся за несколько минут. Я провожу Ронана через небольшой переулок, огороженный забором, густо увитым плющом.

Остановившись около пышной карликовой туи, опускаюсь на корточки в поисках металлической миски. Меня слегка подташнивает от резкой смены положения, но стоит ма-

ленькой рыжей мордочке появиться на зов, как все недомогания отходят на второй план.

— Привет, кроха, — шепчу, потрепав мягкую шёрстку. — Прости, я сегодня с опозданием. Ты, наверное, сильно проголодалась, да?

Перед глазами слегка плывёт, но я держусь из последних сил, накладывая корм. Ириска жадно набрасывается на еду, а я с тоской вздыхаю. До сих пор не могу смириться с тем, что существуют люди, способные выбросить беззащитное животное на улицу.

Я бы забрала её к себе, но связана по рукам и ногам. В договоре аренды квартиры чётко прописано, что арендатор не имеет права заводить домашних животных, иначе последует выселение без предупреждения. Я пыталась договориться с хозяйкой, просила пойти навстречу, много раз слёзно клялась, что возмещу любой ущерб, если он появится по вине Ириски, но миссис О'Брайен категорична в этом вопросе.

Объявления во всевозможных волонтёрских группах не приносят результата, никто не откликается и не спешит приютить рыжего друга.

Вздохнув, глажу кошечку и решаю, что пора домой. Что-то я совсем себя плохо чувствую. Однако стоит подняться, как меня начинает пошатывать.

Странно…

Тряхнув головой, отгоняю головокружение, но от этого становится гораздо хуже.

— Агата? — звучит над ухом ускользающий голос Ронана.

Я чувствую его крепкие руки на своей талии, но перед глазами плывёт, а затем резко темнеет…

Глава 3 Непослушная

Приятный полумрак спальни освещается настенным бра у кровати. Я распахиваю веки, которые, по ощущениям, весят целую тонну, и пытаюсь сфокусироваться, но взгляд всё ещё размытый.

Тянущее чувство в руке заставляет напрячься сильнее. Повернув голову, замечаю иглу, воткнутую в вену, и тонкую прозрачную трубку, уходящую вверх.

Капельница?..

Приглушённые голоса, доносящиеся сквозь приоткрытую дверь, долетают отрывками.

— Сильное переохлаждение. Плюс общее истощение организма, — звучит спокойный мужской голос, как сквозь вакуум. — Температуру я сбил, но, если она не будет подниматься выше тридцати семи, жаропонижающее не давайте.

— Что ещё нужно? Таблетки? Обследование? — баритон Ронана звучит ниже и напряжённее, чем я слышала раньше.

— Мистер Блэквуд, это обычная сезонная простуда, ничего серьёзного, — отвечает другой мужчина после короткой паузы. — Нужен отдых в ближайшие пару дней. Постельный режим, тёплый бульон и лекарства. Всё необходимое я оставлю.

Множество вопросов о том, как Ронан попал в мою квартиру и зачем привёл незнакомого человека, вихрем подни-

маются в голове, но задать их я не успеваю.

Слабость уносит в безмятежный сон без спроса.

Когда снова открываю глаза, комната уже залита мягким утренним светом. Тяжесть в голове почти исчезла, оставив за собой лёгкую, тягучую слабость в теле. Капельницы нет, лишь небольшой пластырь на сгибе локтя напоминает о ночном визите… врача?

Осторожно приподнявшись на подушках, прислушиваюсь к голосу из гостиной.

— Я сказал: груз должен быть на складе к полудню. Мне плевать на задержки, — тон Ронана звучит с отчётливыми нотками льда. Он без преувеличения пропитан холодом и властью. — А Северным друзьям передай, что, если они продолжат раскачивать лодку, разговор будет другим.

Тихонько выбравшись из-под одеяла, крадусь к двери на носочках, подобно шпионке, и замираю в проёме. Ронан расхаживает по небольшой гостиной, прижав телефон к уху.

По помещению гуляет лёгкий сквозняк, светлый тюль качается из стороны в сторону. Я невольно гляжу на горшки с цветами у стены, потом на комод с разбросанной на нём мелочью и на пушистый ковёр по центру. В этой обстановке дорогой образ Ронана выглядит неуместно, хотя на нём та же рубашка и брюки, что и вчера. Только рукава закатаны, открывая татуировки на предплечьях.

Красивые… Очень.

Жар, растёкшийся по коже, вынуждает меня поднять гла-

за и столкнуться с внимательным мужским взглядом. Оказавшись пойманной за разглядыванием, густо краснею.

— Понял. Работайте, — произносит он в трубку всё тем же властным тоном, который я прежде от него не слышала.

Блэквуд убирает телефон в карман, внимательно сканируя меня сверху вниз и обратно.

— Доброе утро, — неловкость сковывает каждую мышцу, сцепляю руки в замок, желая хоть куда-то их деть.

Впервые я не знаю, как себя вести и что говорить.

— Ты должна быть в кровати, — строго, но уже гораздо мягче произносит Ронан. — С сегодняшнего дня у тебя постельный режим.

Воздух вокруг, по ощущениям, сгущается, когда мужчина медленно, с грацией зверя, сокращает расстояние. Сердце ускоряет бег. В надежде хоть как-то отвлечь себя от гипнотических чар, опускаю голову на свои ноги и замечаю, что стою в пижаме. Он переодел меня ночью?

От одного представления о том, что Ронан Блэквуд видел меня без одежды, щёки, мочки ушей, да и всё тело начинают гореть.

Нет, не так. Полыхать, причём неистово!

Погодите, а как мы вообще попали в мою квартиру?

— Я чувствую себя лучше, — не вру, но лёгкая слабость присутствует. — Мне так стыдно… Со мной впервые подобное… Прости, пожалуйста…

— За что ты просишь прощения? — мужчина двумя паль-

цами обхватывает мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть на него.

Боже, я потеряла сознание прямо на улице!

— За неудобства… — запинаюсь на полуслове. — Ты принёс меня домой… всю ночь не спал… Я…

— Агата, последнее, чего я от тебя хочу, так это извинений, — перебивает он мой лепет.

— Нет?

Аромат терпкого мужского парфюма заполняет пространство вокруг, и мне кажется, будто Ронан повсюду. Везде. Даже в моих лёгких.

— Нет, — повторяет, едва заметно мотнув головой.

— Тогда чего?

Мысленно я вся подбираюсь, замерев в ожидании ответа. Слышу лишь своё утяжелившееся дыхание и то, как сильно бьётся сердце.

Ронан невыносимо медленно наклоняется, практически соприкасаясь с моим лицом. Весь мир замирает на паузе. Остаётся только его красивое лицо с невероятными глазами. Такими яркими и глубокими, словно бушующий океан.

— Выполнения предписаний доктора. Я же сказал: тебе нужен постельный режим, — произносит практически в самые губы, а затем выпрямляется и отпускает.

Досадный стон едва ли не срывается с губ, но я сдерживаюсь. Странное, необъяснимое чувство, отдалённо напоминающее разочарование, ввергает меня в искренний шок.

Неужели я ждала поцелуй? С какой стати? Мы знакомы меньше суток.

— Постараюсь, — натягиваю на лицо улыбку, скрывающую истинные чувства. — Но не обещаю.

— Бульон на кухне. Лекарства там же, на столе, — Ронан отступает, и телефон в его кармане в тот же миг издаёт звук входящего сообщения. — Мне нужно уехать, но я позвоню через несколько часов проверить, соблюдаешь ли ты все указания, — сообщает он, посмотрев на экран смартфона, когда вытаскивает его.

— За непослушание тоже ремень? — глупо шучу, мысленно возвращаясь во вчерашний вечер. И в каждом из воспоминаний есть именно Ронан. Это странно…

— Верно. За непослушание тоже ремень, Агата.

Мой спаситель уходит практически сразу же, а я так и не решаюсь спросить, кто меня переодевал. Маленькая, очень наивная толика надежды нашёптывает, что это мог быть доктор.

Надеюсь, что так и есть. Не очень хочется думать, что Ронан копался в шкафу в поисках моей домашней одежды. Нет, у меня там идеальный порядок, но всё же это странно.

Фантазия неуместно подбрасывает картины, как Ронан Блэквуд, один из самых важных людей в криминальной системе Ирландии, был целую ночь в этой крохотной квартире. Видел меня практически обнажённую, прикасался, одевал и укладывал в постель!

Чем же я заслужила такое хорошее отношение к себе? После того, что случилось в прошлом, я должна гореть в аду, а не получать заботу от этого замечательного мужчины.

На кухне я действительно обнаруживаю любимую прозрачную кастрюлю с наваристым бульоном внутри, стоящую на плите. Ронан сам его приготовил? Серьёзно?

Сложно описать весь спектр чувств и эмоций, который я успеваю прожить за крайние полчаса с момента пробуждения.

Зачерпнув пару ложек ароматного бульона из кастрюли, наслаждаюсь тем, как тёплая жидкость разливается по телу.

Жаль, что у меня нет номера Ронана, хотелось бы отправить ему сообщение с благодарностью и сразу же извинениями за благодарность. Ну правда, нельзя молча принимать чужую заботу.

Закрыв крышку кастрюли, бросаю короткий взгляд на настенные часы, отбивающие девятый час утра. Разумеется, не пойти на работу я не могу.

Быстро читаю инструкцию по приёму целого списка лекарств, запиваю таблетки водой и бегу собираться. Сидеть в четырёх стенах, где каждый угол напоминает о скорой оплате аренды, у меня не хватит моральных сил. Да и Финн вчера ясно дал понять: никаких отгулов и больничных.

В галерею, скрепя сердце, добираюсь на такси. На улице по-прежнему сырая дождливая погода, поэтому решаю всё же выбрать собственное здоровье, а не экономию.

По дороге звоню любимой Лилит и спрашиваю о её состоянии.

— А что с твоим голосом? Простыла? Чёрт, Аги, это всё из-за меня! Ты каждый день мотаешься в больницу в этот дерьмовый дождь, — тараторит подруга, сокрушаясь. — Не смей сегодня приезжать! И вообще, почему ты не взяла отгул?

— Не могу, Лил. Выставка, забыла?

— Да пошёл этот Финн со своей выставкой в задницу!

Я прыскаю от смеха на слова рыжей бестии, качая головой. Обожаю её больше жизни.

— Обязательно ему передам, — хихикаю, наблюдая за проплывающими пейзажами за окном.

— А ты не передавай. Выпишусь из больницы, сама лично приду и плюну ему в лицо. Так и скажу: не смей эксплуатировать мою подругу, Малфой!

На сравнении начальника с персонажем из «Гарри Поттера» я и вовсе заливаюсь хохотом. Лилит всегда очень ёмко умеет высказать мысль, а подбирать людям прозвища, так это вообще её коронная фишка.

— Одна ты умеешь так быстро и легко поднять мне настроение, — пытаюсь отдышаться. Водитель такси странно косится в зеркало заднего вида, явно посчитав меня невоспитанной либо недалёкой.

— Знаю, знаю! — без капли хвастовства протягивает эта самовлюблённая зазнайка. — Аги, ко мне тут пришли на

процедуры. Убегаю! А, погоди! Не смей сегодня заявляться в больницу, ясно?

— Но…

— Никаких «но»! Не желаю тебя видеть, пока полностью не выздоровеешь. Всё, отключаюсь. Любл-лю-ю!

Обескураженная подобным заявлением, я несколько секунд продолжаю сидеть с телефоном у уха, переваривая разговор. И как ей удаётся завуалировать заботу под приказами и напускным равнодушием, приправленным щепоткой высокомерия?

Многообещающее утро плавно перетекает в не менее насыщенный день. Работа в галерее забирает все мои силы, и время пролетает как в тумане.

Видимо, молитвы Финна были услышаны, Патрик наконец выходит на смену. Я стараюсь не перетруждаться, но ближе к обеду слабость снова начинает накатывать волнами. Благо я взяла все лекарства и строго следую назначениям доктора, чётко по времени выпивая нужную таблетку.

В течение дня успеваю выполнить львиную кучу дел, скопившуюся за дни отсутствия Патрика. А ближе к трём мы развешиваем серию «Кельтские ведьмы» шотландского художника Колума Эвана в малом зале.

Я чутко контролирую расстановку света и тщательно проверяю все описания под картинами, чтобы не было допущено ни единой ошибки. Клэр это, естественно, не нравится, так как для малого зала информацию готовила именно она.

— Ты так щепетильно ко всему относишься, — едко подмечает брюнетка, складывая руки на груди. — Можно подумать, раньше без тебя в нашей галерее выставки не проходили.

— Лучше перепроверить и в будущем избежать недоразумений, — коротко оборачиваюсь на коллегу, но быстро возвращаю внимание на стоящего на самой верхней ступеньке мужчину. — Патрик, нужно чуть-чуть левее. Ещё, буквально миллиметр. Да, вот так. Спасибо!

— Соседнюю не трогать? — раздаётся прокуренный мужской голос средних лет.

— Погодите, Агата сейчас линейку возьмёт и потом вам точно скажет, — закатывает глаза Клэр и, звонко цокая каблуками, двигается к большому залу.

— Найди себе мужика, Клэр, — бросает Патрик ей в спину, а я округляю глаза от удивления. — Нельзя ходить неудовлетворённой. Это вредно для женского здоровья.

— Патрик! — шикаю я на мужчину. — Зачем вы так? — добавляю одними губами.

К его прямолинейности коллектив давно привык, но я каждый раз удивляюсь такому умению вовремя находить слова и ставить людей в неловкое положение.

Клэр тем временем не оборачивается, однако поднимает руку вверх и демонстрирует средний палец.

— Разве я не прав? — невинно пожимает он плечами. — Сил нет терпеть эту гадюку.

Патрик частенько выговаривает Меган и Клэр всё, что он думает об их тандеме, хотя я каждый раз прошу не делать этого.

— Давайте ещё в среднем зале серию Аласдера поправим. Я вчера заметила пару неровностей, — вздыхаю, решая не развивать тему конфликта.

Лично меня уколы Клэр не волнуют, она может говорить и считать как пожелает. Порой я действительно бываю излишне педантична.

Патрик несёт необходимые инструменты в средний зал, а я бегу в наш небольшой кабинет, вмещающий несколько столов с компьютерами и один на всю галерею барахлящий принтер. Печатаю обновлённые данные о картинах и, пока сижу, слушая животрепещущие звуки работающего из последних сил печатного устройства, вспоминаю слова Ронана. Он обещал позвонить, но так и не связался со мной. Я как минимум три раза проверила телефон, но, кроме пары уведомлений от приложений, ничего не обнаружила.

Подогнав по размеру распечатанный текст, вкладываю его в небольшие таблички и спешу к Патрику. Там мы продолжаем работу по цветокоррекции, чтобы каждая деталь была идеально видна для посетителей выставки, а ещё расклеиваем под рамками необходимые сведения.

В самый разгар работы телефон в моём кармане невовремя оживает.

— Слушаю, — отвечаю на ходу на входящий вызов с

незнакомого номера. Честное слово, все мои мысли настолько заняты картинами, что я забываю об ожидании звонка от Ронана.

Несколько секунд в трубке звучит тишина.

— Алло? — протягиваю, сдув выбившуюся прядку со лба.

— Значит, не послушалась? — приятный тембр с отчётливыми нотками недовольства пускает по венам заряд тока.

Замерев, останавливаюсь посреди зала, забыв обо всём на свете.

— Я взяла с собой таблетки, — закусываю губу, ощущая себя нашкодившим ребёнком. — И мне правда гораздо лучше. Благодаря тебе!

Я могла бы соврать и сказать, что дома. Но какой в этом смысл? По шуму на фоне Ронан точно понял, что я на работе.

— Не уверен, что мне нравится твоё непослушание.

Вздох срывается с губ. Что со мной происходит? Почему каждая клеточка в теле так остро реагирует на его слова?

— Впредь обещаю исправиться, честно.

Не справившись с ураганом в груди, шагаю к окну, рассматривая старинное здание напротив.

— Мы всегда говорим только обо мне. Расскажи лучше, как проходит твой день?

Спрашиваю, но сразу же начинаю переживать. Может, не стоило этого делать? Вдруг Ронан не из тех, кто любит говорить о себе?

За несколько секунд мой мозг успевает обработать множе-

ство вариантов, и в каждом из них оказывается так, что Блэквуд просто заботливый человек, а я вообразила себе невесть что.

— Безуспешно пытаюсь сосредоточиться на работе, но отвлекают мысли про одну непослушную знакомую.

Бабочки в животе взмывают вверх, принимаясь кружить и порхать. Я бы и сама сейчас взлетела, если бы могла.

Он правда думает обо мне?

— Ну вот, теперь к благодарности прибавилось ещё и чувство вины!

На мою реплику мужчина разражается искренним лёгким смехом, а я не сдерживаю улыбку. Так заразительно он это делает.

— Агата! — голос Патрика звучит неожиданно, вырывая из сладкой неги в жестокую реальность.

Оказывается, он всё это время стоит на лестнице в ожидании. Резкий прилив стыда накрывает меня с головой.

— Давай сердечные дела потом, тут Макгрегор изнывает без твоих указаний.

— Простите, Патрик. Дайте мне одну минуту! — отодвигаю телефон, прикрывая микрофон ладонью.

— Давай, — отмахивается он в ответ рукой, мол, делай уже что хочешь.

Снова отвернувшись к окну, замечаю на своём лице нескрываемую печаль в отражении.

— Боюсь, что мне нужно бежать, — произношу нехотя и

с искренним сожалением.

— Вечером заеду, — Ронан не спрашивает, не предлагает, а ставит перед фактом.

Немалых усилий мне стоит удержать свой голос ровным и спокойно произнести:

— Хорошо. Тогда до вечера!

Отключившись, я продолжаю стоять на месте, не веря в происходящее. Ронан приедет! И это будет первая поездка, которая не окажется для меня полной неожиданностью.

— Ты там как? Живая? — снова возвращает на грешную землю Патрик, отчего я вздрагиваю.

— И это не Макгрегор, а Аласдер Маклеод! — радостно поворачиваюсь к нему, не скрывая поднявшееся настроение.

— Да какая разница? — открещивается мужчина. — Вот Макгрегора все знают, а этого вашего Маклеода никто.

— Не вздумайте сказать это Финну. Аласдер его близкий друг и один из любимых художников.

— Тьфу ты! — он имитирует плевок, на что я заливисто смеюсь.

Да, Патрик не признаёт живопись, считая всё это ерундой и самой обычной, цитирую, «мазнёй». А работает в галерее, потому что платят хорошо и Финн его двоюродный племянник.

Оставшаяся часть дня в галерее проходит в таком же режиме. А когда появляется свободная минутка, я сохраняю контакт Ронана.

Как удивительно устроен наш мир. Где я и где Ронан Блэквуд? Мы из разных вселенных, даже если не учитывать разницу в уровне жизни.

Ронан глава клана, богатый, умный, как выяснилось, добрый и заботливый.

А я? Кто я?

Обычный арт-консультант, без выдающихся способностей.

И с грузом прошлого…

Глава 4 Параллель

Вечерний Дублин в хорошую погоду — это отдельный вид искусства. Когда тёплый ветерок колышет листья деревьев, а ты идёшь не спеша домой в хорошем настроении, жизнь ощущается иначе.

Ты вдыхаешь полной грудью, зная, что у тебя вся жизнь впереди. По дороге есть время поразмышлять о смысле существования. Представить, как может сложиться судьба, если всё пойдёт задуманным чередом.

А ещё обязательно нужно придумать план на вечер. Обычно мой состоит из ужина под интересный сериал. Позже я уделяю час чтению рецензий на работы современных художников и ложусь спать в своей уютной кровати.

Ах да, по пути обязательно следует зайти в любимую французскую булочную и порадовать себя сливочным круассаном, тающим во рту.

Так вот, сегодня не один из таких вечеров.

Выглянув в окно ближе к семи часам, унылый стон тут же срывается с моих губ. Дождь льёт стеной, застилая обзор на соседнее здание. Но стоит мысли о скором приезде Ронана просочиться в сознание, как меня снова смывает дикой волной предвкушения.

Финн распускает весь персонал по домам: к выставке практически всё готово, а посетители в непогоду вряд ли

придут за картинами. Я решаю не беспокоить Ронана заранее сообщением о том, что освободилась пораньше, а подождать его на улице.

Из галереи мы с Финном выходим последними. Патрик ушёл час назад, а девочек совсем недавно забрал кузен Меган.

Зонт я благополучно забыла утром в спешке, поэтому остаюсь под козырьком на лестнице, не спускаясь вниз на тротуар.

— Ты сегодня на чём? — уточняет начальник, ставя помещение на сигнализацию.

— За мной заедут, — поднимаю ворот пальто, поёжившись.

Что-то к вечеру совсем похолодало, а у меня снизу одна тонкая рубашка. Продрогну ведь до костей. Я могла бы попросить начальника остаться и переждать в галерее, но решила не делать этого. Финн сам каждый вечер закрывает помещение и ставит его на сигнализацию, боюсь, мне бы он не доверил это дело. Тем более к выставке завезли ценные экспонаты.

— Я еду в твою сторону, думал подвезти, — Финн косится на меня, останавливаясь рядом. Потом хлопает себя по карманам, достаёт ключи и проворачивает замок в двери.

И снова история повторяется. Я едва успеваю открыть рот, как тут же захлопываю его, наблюдая за приближающейся к галерее чёрной пантерой, то есть «Audi».

Невероятно, он приехал гораздо раньше. Даже ждать не пришлось!

— Нет, не нужно, — улыбка пробивает путь наружу, то есть на моё лицо.

Признаюсь честно, в течение дня, до звонка Ронана, я успела себе надумать, что наше короткое знакомство на этом закончилось. Он просто побеспокоился о болеющей девушке, помог с врачом, лекарствами и вернулся к прежней жизни.

Раньше я и подумать не могла, что Ронан Блэквуд окажется небезразличным к чужой судьбе. До смерти главы Портовых, отца Ронана и Киллиана, братья боролись между собой за власть. Я не особо в курсе всех деталей, но мне казалось, что Ронан плохой человек, раз хочет забрать порт и клан у младшего брата. На сегодняшний день Блэквуды разделили наследство напополам и вроде как наладили отношения.

Ума не приложу, почему мне так радостно на душе от того, что я ошибалась насчёт Ронана по всем фронтам.

— Интересное у тебя такси, — с налётом шутки бросает начальник.

Финн кивком головы приглашает меня под раскрытый зонт. Замявшись всего на несколько мгновений, соглашаюсь.

Спускаясь вниз, я не могу оторвать глаз от Ронана Блэквуда, вышедшего из автомобиля. Мужчина тоже раскрывает зонт, правда, гораздо большего размера. Под ним мне явно не придётся жаться к нему, как сейчас к Финну, чтобы не

промокнуть.

— Ты рано, — обращаюсь к ожидающему брюнету слегка смущённо.

Дыхание спирает, когда, миновав крайнюю ступеньку, я спускаюсь на мокрый тротуар.

— Добрый вечер, — произносит Ронан не особо приветливым тоном и мягко, но уверенно притягивает меня к себе за талию, вынуждая отступить от Финна.

Подобного поворота событий я не ожидаю, поэтому удивлённо вскидываю взгляд на мистера Блэквуда. От него исходят едва уловимые нотки напряжения.

Почему? И зачем он продолжает прижимать меня к себе?

— Добрый, — тянет Финн, не без скрытого интереса оценивая Ронана.

— Финн, познакомьтесь. Это Ронан Блэквуд, мой… — на этих словах запинаюсь, но быстро беру себя в руки. — Ронан мой друг, — добавляю чуть мягче.

Дождь продолжает лить, разбивая крупные капли об асфальт. Вдохнув влажный воздух, набираю его побольше в лёгкие и продолжаю:

— Ронан, это хозяин галереи и по совместительству мой начальник, Финн Полански.

Мужчины обмениваются рукопожатием. Со стороны может показаться, что это обычный разговор и знакомство, но я улавливаю странные нотки раздражения, исходящие от Ронана.

С вероятностью в миллион процентов я накручиваю себя, этого не может быть. Нелепость, с чего бы ему быть недовольным?

Финн вскоре спешно прощается и оставляет нас одних. Я разворачиваюсь к Блэквуду лицом, а он, на удивление, не убирает руку с талии.

— Давно, говоришь, работаешь в этой галерее? — задаёт вопрос, но кивает не в сторону здания, а на моего начальника, переходящего дорогу к припаркованному автомобилю.

— С ноября. А почему спрашиваешь?

— Да так, — протягивает загадочно, впиваясь внимательным взглядом в моё лицо. Что он хочет увидеть? Что прочесть? — Любопытно стало.

— Собрался ругать меня за то, что не послушалась и пошла на работу? — наклоняю голову чуть набок, по-своему истолковав его поведение.

— А есть смысл?

— Не-а-а, — тяну совершенно неподобающе. — Я люблю свою работу. А ещё благодаря одному хорошему человеку я практически выздоровела за одну ночь.

— И кто же он? — щурится, а в моём животе разливается тепло от его переменившегося настроения в положительную сторону.

— Сама не знаю, — нарочно пожимаю плечами. — Он был ночью в моей квартире, поставил капельницу и с тех пор не появлялся.

На это Ронан разражается смехом, качая головой. Таким живым и заразительным, что мне непременно хочется последовать его примеру!

— Я шучу, — но вместо этого жутко краснею, поджав губы.

Сейчас Ронан выглядит ещё более привлекательным, чем был вчера или утром. Как у него это выходит? Возможно, дело в стильном чёрном пальто, а может, в том, что оно расстёгнуто и открывает вид на тёмную рубашку.

А возможно, дело в его глазах. Таких притягательных и манящих. Заглянешь один раз и впредь не сможешь оторваться.

— Я бы предложил поужинать вместе, но тебе стоит отдохнуть после тяжёлого дня, — произносит Ронан, а я почему-то залипаю на его красивых скулах.

— У меня что, появился ангел-хранитель? — до сегодняшнего дня я не чувствовала к себе заботы, особенно со стороны мужчин.

Разве что в самом детстве…

Мама растила меня одна, но мне всегда хотелось почувствовать, каково это, быть чьей-то маленькой принцессой. Любимой папиной дочкой. Быть может, поэтому жизнь и привела меня к той точке, когда я съехала из особняка и начала новую жизнь.

— Это вряд ли, — ухмыляется Ронан в ответ. — До ангела мне далеко, хотя присмотреть за тобой не помешает.

Щёки опаляет огнём. Зачем я это ляпнула? Чувствую себя бестолковой.

— Поехали, непослушная. Домой тебя отвезу.

До пассажирской двери мы добираемся за несколько секунд. Я даже не успеваю промокнуть: Ронан чутко следит, чтобы ни одна капля дождя не упала на его бедовую спутницу.

— Как прошёл день? — знаю, что повторяюсь, но я не хочу быть потребительницей, которую интересует лишь она сама.

«Audi» трогается, откидываю голову на подголовник и поворачиваюсь к водителю.

— Конечно, помимо попыток сосредоточиться на работе, — добавляю весело, вспомнив дневной разговор.

— В целом как обычно. Вряд ли тебя займут рассказы про порт, поставки и всё сопутствующее.

— Почему же? Мне правда интересно, иначе я бы не спрашивала.

Ронан ловко лавирует в потоке машин. Он водит уверенно и спокойно, я бы так точно не смогла. А уж про то, как смотрятся его длинные аристократичные пальцы на руле, так вообще молчу.

Запредельный вид искусства.

К великому сожалению, я водить не умею. Мой максимум — это двухколёсный велосипед и вечно разбитые коленки.

При воспоминании о детстве во мне тут же просыпается

непреодолимое желание найти свои старые дневники. Я давно их не перечитывала и записи уже не веду. Последняя была сделана в самую жуткую ночь в моей жизни.

Ту, что сломала меня и воскресила заново.

Разбила одну часть сердца на мельчайшие осколки, но в то же время собрала воедино другую, давно покрывшуюся пылью.

При переезде я забрала дневники с собой, но они спрятаны среди кучи коробок. Придётся хорошенько потрудиться в поисках.

— Понятно, — смеётся Ронан, а я вздрагиваю, услышав его чарующий голос.

— Что? — поворачиваюсь, глядя растерянно.

— Сказала, что интересно, а сама не слушаешь, — качает головой мужчина, но без капли обиды или злости. Он делает это иронично, издеваясь надо мной.

— Прости, пожалуйста, я задумалась. Расскажешь снова? — сокрушаюсь искренне. — Я люблю гулять по набережной и смотреть на проплывающие суда, каждый раз думая о том, что они перевозят и куда направляются, — подкрепляю просьбу личными мыслями. — И вообще, как у вас устроена логистика? Сколько людей работает в штате? Это же невероятно! Ваш порт — один из крупнейших в Ирландии и на восточном побережье. Такая колоссальная ответственность!

Ронан не отвечает, вместо этого одаривает пристальным вниманием мою скромную персону, отчего по позвоночнику

ползут мурашки.

— Что? — не выдерживаю накала, стушевавшись. — Я сказала что-то не так?

— Ты первая девушка, кто задаёт мне подобные вопросы, — Ронан продолжает смотреть, не спуская глаз, будто видит меня впервые.

— Это плохо?

— Далеко не плохо, Агата, — отвечает спустя затянувшееся молчание и возвращает внимание на дорогу.

Продолжить разговор я не спешу. Оставшаяся часть поездки проходит в молчании, но вовсе не гнетущем. Иногда не обязательно говорить, чтобы понять человека.

С Ронаном комфортно побыть в тишине.

Удивительно, как человек его мира может быть таким уравновешенным? Чувствуется, что Блэквуд-старший не притворяется. Он действительно сдержан сам по себе.

А ещё хорошо воспитан, потому что, стоит «Audi» припарковаться около моего дома, мужчина снова придерживает дверь и вовсе не напрашивается в гости.

— Спасибо, что подвёз… — оглядываюсь на проносящуюся по лужам детвору. Ронан держит над нами зонт, но на этот раз не прикасается и держится на расстоянии.

Может, дело в том, что я заговорила о порте? Большинство девушек из его окружения наверняка не интересуются подобными вещами. Взять ту же Лилит: ей совершенно всё равно, чем именно Киллиан занимается на работе.

Но зачем он тогда приезжает за мной второй день подряд? Вряд ли мужчину его уровня может всерьёз заинтересовать кто-то вроде меня.

— Лекарства принимаешь? — интересуется, но далеко не в повелительном тоне.

Мы стоим друг напротив друга, в моей груди снова трепыхается сердце, отдалённо напоминая о прошлом.

Почему именно сейчас?

— Да, я же говорила, что взяла их с собой на работу, — киваю, переминаясь с ноги на ногу. — Мне гораздо лучше благодаря тебе.

— Больше отдыхай, — звучит очередное наставление сверху.

— Как прикажете, Босс. Вот пройдёт завтра открытие выставки, и я смогу расслабиться. Возможно, возьму на днях отгул!

Глупо делиться планами, да? Понятия не имею, зачем я ему это говорю.

Блэквуд в ответ одобрительно кивает. Похоже, пора прощаться…

— Хорошего вечера, Ронан.

Мужчина отвечает взаимностью, не прерывая зрительного контакта.

Всучив мне зонт, невзирая на отказы и практически прекратившийся дождь, Ронан садится в автомобиль, но не заводит мотор.

Стесняясь обернуться, я иду кормить Ириску, спрятавшуюся под козырьком подвального помещения, а потом захожу домой через подъезд со двора. В квартире первым делом зажигаю свет в коридоре и, бросив сумку на пол, крадусь в гостиную. Отодвигаю тюль, выглядывая в окно, выходящее на то место, где должна стоять машина Ронана, но её уже и след простыл.

На что я рассчитывала? Что он будет сидеть и ждать моего сигнала? Глупости.

Сбросив с себя одежду, закидываю её в стиральную машину и иду принимать душ. Пока я смываю долгий день, голову разрывают мысли и воспоминания. Они забираются в самые потайные уголки души и бередят едва зажившие раны. Напоминают о себе без спроса и не позволяют нормально дышать.

Хорошенько распарив кожу и ополоснувшись от пены, накидываю на себя тёплый банный халат, грею на кухне бульон и силой заставляю себя поесть. Я представляю, как мой ночной гость готовил его на этой небольшой, но уютной кухне, и улыбаюсь.

После еды следую предписаниям врача, выпивая целую горсть таблеток.

Нетерпеливый стук в дверь застаёт меня в тот самый миг, когда я отставляю в сторону стакан с тёплой водой. Гостей не жду, поэтому тихонько крадусь в коридор.

— Агата Мерфи? — стоит приоткрыть дверь, без привет-

ствий уточняет паренёк.

— Да, это я, — с подозрением кошусь на стоящего по ту сторону.

— Вам доставка, — сообщает он, демонстрируя бумажный пакет и… небольшой букет светлых гортензий.

— Я ничего не заказывала, — растерянно моргаю, но снимаю цепочку и распахиваю проём сильнее.

Парнишка в ответ пожимает плечами, вручает мне посылку и уходит. Удерживая в одной руке пакет и цветы, захлопываю дверь и не забываю закрыться на замок. Есть у меня один пунктик касательно безопасности.

Проведя целую жизнь на территории тщательно охраняемого поместья О'Коннелов, где на каждом шагу находилась охрана, переехать в квартиру с одной хлипкой дверью для меня превратилось в настоящее испытание и фобию, с которой я борюсь по сей день.

От пакета разносится умопомрачительный запах еды, отчего рот наполняется слюной, и я несу его на кухню. Внутри обнаруживаю грибной суп-пюре, ризотто и десерт в виде пирожного с заварным кремом. А в цветах лежит скромная записка:

«Береги себя. Р.Б.»

Ронан Блэквуд.

Глупая улыбка расплывается на губах, я прижимаю к себе

записку, закрывая глаза. Нежность и тепло разливаются по всему телу.

Несколько секунд я стою, воспроизводя в памяти лицо Ронана, а затем вместо него всплывает другое… Такое родное и одновременно чужое. Часто преследующее меня по ночам. Заставляющее сгорать день за днём и пытаться выжечь его из памяти.

— Дневники… — выдыхаю, практически не шевеля губами.

В кладовую я направляюсь быстрее, чем следовало бы. Так, можно подумать, за мной гонятся или от этого зависит чья-то жизнь.

Включаю в пыльном помещении свет и с остервенением принимаюсь рыскать среди неразобранных вещей. Я отбрасываю коробки в стороны, перекладываю их с места на место, вскрываю каждую, заглядывая внутрь. Выбрасываю на пол их содержимое, устраивая в помещении бардак, под звук собственного тяжёлого дыхания.

— Нашла!.. — снова зачем-то объявляю вслух.

Свои старые дневники я обнаруживаю на самом дне одной из коробок, стоящих в углу вместе с фотоальбомами.

Изрядно потрёпанные временем, с пожелтевшими исписанными листочками и корявым детским почерком. Они не выглядят как эстетичные модные блокноты, нет, но в них вся моя жизнь.

Наплевав на чистый белый халат, опускаюсь на пыльный

пол и долго перелистываю странички, одержимо проводя пальцами по расплывшимся в некоторых местах буквам.

Я словно глажу ту маленькую девочку, отчаянно нуждающуюся в любви и ласке.

***

«12 мая (у меня День Рождения!!!)

Привет, дневничок!

Сегодня мне исполнилось целых семь лет! Мама сказала, что я теперь совсем-совсем взрослая.

Мама ушла работать в большой дом, а я решила, что тогда мне можно самой выбирать одежду. Я надела своё самое красивое жёлтое платье. Мама говорит, что оно на праздник, но сегодня же мой праздник, правда?

Дневничок, я зря его надела. Мы с Лилит поссорились. Она сказала, что я глупая и нельзя играть в таком наряде. А я сказала, что она просто завидует, у неё такого нет! Лилит дёрнула меня за косичку, я её дёрнула в ответ, а потом она меня толкнула. Я упала прямо на камни и ударилась лицом и ладошками.

Было очень больно. Я сразу испугалась, что платье испачкалось. Лилит тоже испугалась и хотела звать маму, но я плакала и просила: «Пожалуйста, не надо! Мама будет ругаться за платье!»

Тогда Лилит привела Деклана. Он большой и серьёзный,

он никогда не играет с нами. Деклан отвёл меня к фонтану. Вода была холодная-холодная, он долго мыл мне ранки и дул на них, чтобы не щипало. Он смотрел на меня и сказал, что я храбрая!

Знаешь, дневничок, меня так никто не жалеет. Даже мама. Деклан самый лучший.

Я решила: когда я вырасту, я обязательно выйду за него замуж!»

***

Стук собственного сердца грохочет в ушах: я выныриваю из воспоминаний, как из-под толщи воды.

Зря я его достала. Не нужно было! Но чувство, что уже поздно и я вскрыла ящик Пандоры, плотно поселяется в голове.

Сморгнув застилающие взор слёзы, вытираю лицо и захлопываю дневник сильнее положенного. Я столько месяцев подавляла в себе ту боль и детские чувства, которые пронесла через всю жизнь. Научилась уживаться с ними, понимая, что это закрытая дверь прошлого, но с появлением Ронана они сильнее всколыхнули то, что я пыталась забыть. Его внимание, тёплое отношение ко мне и доброта слишком сильно напоминают о Деклане…

И от этого осознания внутри что-то болезненно сжимается. Словно ледяная рука хватает меня за горло, не давая ды-

шать.

Но страшнее всего для меня снова попасть в ловушку собственного сердца. Потому что в прошлый раз я уже знаю, чем это закончилось…

Глава 5 Точка невозврата

До открытия выставки в галерее творится самый настоящий хаос. Сотрудники суетятся, проверяя мельчайшие детали. Каждый, ответственный за свою зону, сверяет данные и цены на картины.

Больше всех, естественно, нервничает Финн. Будь я на его месте, ночами бы не смогла спать от переживаний. А вот единственный, кто расслаблен и спокоен, — это Патрик. Но, боюсь, дело в том, что он уже успел опрокинуть парочку стопок джина.

Свои двери мы открываем ближе к шести часам, и залы наполняются первыми посетителями: коллекционерами, искусствоведами, критиками, дизайнерами и, конечно же, простыми ценителями искусства.

Несмотря на то что это моя работа, а работу, как правило, не любят, я отношусь к тем, кто по-настоящему горит своим делом. Я обожаю каждую картину на этой выставке, могу часами разглядывать полотна и восхищаться мастерством авторов.

Но не меньше я люблю общаться с людьми, действительно разбирающимися в искусстве. А раз это прямая обязанность арт-консультанта, я с удовольствием провожу время, обсуждая техники художников, скрытые смыслы и идеи, заложенные в картинах. Так сказать, совмещаю приятное с по-

лезным, занимаясь продажей.

Я стараюсь быть милой и внимательной с каждым посетителем. Ведь люди, как полотна: к каждому нужен свой особый подход. День выдаётся тяжёлым, но с улыбкой на лице я перехожу от одного гостя к другому, искренне делясь своей любовью к каждому холсту.

— Миссис Гейбл, давно вы у нас не были, — мягко касаюсь локтя женщины-критика, вставая рядом.

— Агата, как приятно видеть тебя, дорогая! — миссис Гейбл поворачивается, и на её лице расплывается озорная улыбка, подсказывающая, что возраст — это всего лишь цифры.

Женщина приобнимает меня, как близкую подругу, а я не могу не восхититься её изумительным вкусом. Как и всегда, миссис Гейбл одета с иголочки: в строгий твидовый жакет и классические брюки, а на голове, невзирая на почтенный возраст, нет ни единого намёка на седину.

— Чем на этот раз удивишь? — заговорщицки уточняет она, делая аккуратный глоток шампанского.

У нас есть небольшая традиция: я рассказываю миссис Гейбл о текущих работах, а она даёт им оценку в рецензиях не только через свою призму, но и учитывая полученную информацию.

— Средний зал мы посвятили камерной серии Аласдера Маклеода, написанной в память о его покойной супруге, — небольшим жестом руки обвожу пространство вокруг нас.

— Трагизм, — ведёт бровью женщина и, следуя моему примеру, обводит взглядом картины. — Хороший ход. Мне импонирует задумка погрузиться в траур.

— Взгляните на «Рассвет перед трагедией», — ликуя внутри от факта, что нам удалось получить расположение её весьма категоричной натуры, подхожу к картине в золотой раме, и миссис Гейбл следует за мной. — Как тонко здесь передано отчаяние, вы не находите?

С минуту мы молча разглядываем холст. Мужчина на нём стоит, ссутулившись, с опущенной головой. В разбитой позе читаются боль и трагедия одной семьи. Даже первые отблески рассвета не способны заставить его поднять взгляд.

— Пожалуй, отмечу это как самую сильную работу Маклеода, — после затянувшейся паузы произносит она. — Хотя, знаешь, особой симпатии к нему я не питаю, — добавляет, едва заметно наклонившись ко мне. — Считаю, что Аласдер попросту растрачивает свой талант. Дилетант.

В ответ я улыбаюсь, тактично не комментируя мнение миссис Гейбл о художнике. Тем более сам Аласдер при личном знакомстве оказался невероятно добрым и очень тонким человеком, третий год переживающим потерю супруги.

Мы неспешно проходим дальше по залу, лавируя между посетителями. Я увлечённо рассказываю о технике письма, критик в чём-то поддерживает, а в чём-то не соглашается со мной.

В какой-то момент странное, до боли знакомое чувство

приятной волной проходится по телу. Дыхание становится более рваным, а глаза лихорадочно переходят от одного посетителя к другому.

Боясь ошибиться и разочароваться в своих предположениях, я несдержанно оборачиваюсь, и сердце замирает в груди… Ронан Блэквуд стоит у самого входа в зал, возвышаясь над мистером Стерлингом, одним из самых знаменитых коллекционеров Дублина. И, как бы глупо это ни звучало, Ронан смотрит именно на меня.

По позвоночнику тотчас проходится дрожь, стоит мужчине сделать кивок в знак приветствия. Приложив нечеловеческие усилия в попытке сдержать рвущуюся наружу улыбку, я киваю в ответ и продолжаю работу.

Однако взгляд без конца возвращается к Ронану, ничего не могу с собой поделать. Зная, что он здесь, в такой опасной близости, хочу смотреть на него беспрерывно.

Не понимаю, что со мной происходит?

Выждав момент, когда мистер Стерлинг наконец отвлекается на телефонный разговор, я оставляю миссис Гейбл в компании подошедшего Финна и, собравшись с духом, направляюсь к Ронану.

— Наслаждаетесь искусством, мистер Блэквуд? — стараюсь держать голос ровным, но предательские нотки радости от его присутствия проскальзывают.

Вчера я вскользь упомянула о выставке, и вот Ронан тут. Занятно, он очень внимателен к деталям.

— Теперь да, — уголок его губ едва заметно дёргается.

От его тембра, пробирающего до самой души, у меня едва не подкашиваются ноги.

И я ни капли не преувеличиваю! Так сильно на меня действуют его гипнотические чары.

Прошлой ночью, прочитав отрывок из дневника, я чётко уверила себя в том, что тянуться к Ронану неправильно. Ни в коем случае нельзя впускать его в свой хрупкий внутренний мир. Я едва собрала его по кусочкам.

И дело далеко не в том, что Ронан плохой. Наоборот, хороший. Очень!

Но быть с ним, узнавать лучше и постепенно привыкать нельзя ни в коем случае.

И что мы видим сейчас? Стоило мужчине появиться в поле зрения, обмолвиться парой фраз, и я напрочь забываю обо всех установках.

— Ронан… спасибо большое за цветы. И не только за них!

— Проведёшь мне экскурсию? Возможно, тогда я спишу все твои долги, — Ронан смотрит с откровенной насмешкой, а я слишком уж неприлично закатываю глаза.

— Ведёте учёт моих долгов перед вами, мистер Блэквуд?

— Нет. Это делаешь ты сама.

— А вы не забываете об этом напомнить.

— Такой вот я плохой человек.

— Неправда. Ты не такой, — сдаюсь, проигрывая нашу небольшую словесную атаку.

Воздух вокруг накаляется. Я осознаю, что слишком откровенна и вообще нахожусь на рабочем месте. Если мы продолжим в таком темпе, могу наговорить лишнего. Порой я слишком скрытна и молчалива, но, если человек входит в круг моего доверия, язык работает бесперебойно, потеряв соединение с головой.

— Значит, экскурсия! — переключаю внимание, напустив воодушевление в голос. — Прошу вас, мистер Блэквуд, — указываю ладонью, приглашая гостя пройти в зал.

— Дамы вперёд, — парирует Ронан, и я, улыбнувшись, первой двигаюсь с места.

Обычно я не испытываю волнения, но сейчас, шагая чуть впереди Ронана и рассказывая ему о художниках, о стилях, о боли и радости, застывших на холстах, ощущаю неописуемый трепет.

Возможно, дело в том, что я раскрываю ему другую часть себя. Делюсь любовью к искусству. А возможно, потому, что знаю: смотрит Ронан далеко не на картины.

Я чувствую его взгляд на себе. Внимательный, заинтересованный, невыносимо испытующий. Можно подумать, мужчина желает прочесть меня, как я делаю это с живописью.

Закончив с экскурсией в среднем зале, мы переходим в большой, где скопилось немалое количество посетителей, собравшихся взглянуть на долгожданную серию «Изнутри» британской художницы Вайолет Эшфорд.

Пробираясь сквозь группы людей, я веду Ронана к одной из самых полюбившихся картин на этой выставке, но неожиданное прикосновение к моему предплечью заставляет притормозить.

Блэквуд останавливается у холста с изображением возлюбленных, а у меня перехватывает дыхание от неожиданности касания. Следом его горячая ладонь ложится на мою талию, и Ронан мягко притягивает меня к себе, чуть сдвигая в сторону.

И только тогда я замечаю, что на нас шла толпа посетителей, которых гид вёл к следующему залу. Ох, я настолько улетела в собственные мысли и рассказы, что перестала смотреть по сторонам.

— Спасибо… — прочистив горло, высвобождаюсь и неловко отступаю на приличное расстояние.

Честно, делать этого вовсе не хочется. Я бы с удовольствием продолжала стоять в крепких мужских объятиях, но нельзя забывать о том, где нахожусь.

— Что про эту картину думаешь? — указываю на висящую картину, переключая внимание и разряжая тем самым обстановку.

— Влюблённые? — неопределённо пожимает плечами Ронан, коротко глянув на изображённую пару.

— Нет, это «Предательство». Посмотри, он изменил ей, — тоска просачивается в мой тон, что не ускользает от внимания спутника.

— Как ты это поняла?

— Так называется картина, — улыбаюсь, стрельнув взглядом на табличку снизу. — А ещё у него за спиной нож. Иногда нужно читать между строк.

Дальнейшая экскурсия для особенного гостя проходит в таком же волнительном состоянии. Ронан втягивается, задавая уточняющие вопросы, словно ему действительно всё это интересно, а я стираю язык до крови, болтая без умолку.

Мы плавно перемещаемся в малый зал.

На первый взгляд названия и расположение помещений вводят посетителей в замешательство, ведь они совершенно не соответствуют ни размерам, ни порядку, но в этом-то и есть вся фишка галереи.

— Агата, здравствуйте! — окликает меня один из постоянных гостей.

— Чарльз, добрый день. Рада вас видеть на нашей выставке сегодня!

Это глупо, и так делать нельзя. Но почему-то я намеренно веду себя с мужчиной дружелюбнее положенного, желая увидеть реакцию Ронана.

Чарльз проходит ближе, останавливаясь в полуметре.

— Выглядите сногсшибательно, как и всегда, — мужчина улавливает мой настрой, выходя за рамки делового общения. — Могу я вас украсть? Мой друг прилетел из Цюриха, хочу приобщить его к искусству с вашей помощью.

— Я бы с радостью, но мне нужно закончить экскурсию

для мистера Блэквуда, — произношу с глубоким сожалением. — Позвольте пригласить Клэр, и она с радостью проведёт вас по залам?

— Но мы надеялись именно на вашу компанию, — настаивает гость, покосившись на Ронана.

Чарльз — состоятельный мужчина, и я уверена, что он обязательно сделает крупное пожертвование в фонд художников, а также приобретёт пару картин, но у меня совершенно нет желания прощаться с Ронаном и переключаться на кого-то другого.

— Боюсь, что на сегодня Агата моя, — звучит над моей головой голос Блэквуда.

На первый взгляд слова могут показаться шуткой, но я отчётливо слышу в них стальные нотки. То ли почувствовав угрозу, исходящую от Ронана, то ли решив не ждать моего освобождения, Чарльз с другом соглашаются на сопровождение Клэр.

— Вокруг тебя много мужчин, — вдруг заявляет Ронан, стоит нам остаться одним. — Не уверен, что мне это нравится.

Меня ужасно тянет спросить почему, но я сдерживаюсь, не желая выглядеть заносчивой.

— Деньги сами себя не заработают, — отвечаю лаконично. — Ты, кстати, тоже мужчина.

— Продиктуй номер своего счёта, — совершенно серьёзно произносит Блэквуд. — И тебе не придётся работать.

— Очень смешно! — прыскаю от смеха.

— Я шутил?

Мужской взгляд приобретает тяжёлые оттенки, и я тут же тушуюсь.

— Шутил ты или нет, я не знаю, но работу не брошу, так как люблю её. И чужие деньги мне не нужны. Я сама в состоянии заработать себе на жизнь, — поясняю свою позицию и переключаюсь на выставку.

Вдруг он счёл меня меркантильной? Вчера я спрашивала про порт, и Ронан мог расценить это как анализ его доходов. А теперь ещё и разговор про заработок…

Ох… что же делать? Или я себя накручиваю?

В какой-то момент мы оказываемся в дальнем углу малого зала, где вокруг практически нет людей. Лёгкий полумрак окутывает нас, можно сказать, отсекая шум голосов, доносящихся с других сторон.

Я останавливаюсь около серии Колума Эвана, собираясь рассказать Ронану про историю её создания, но мужчина вдруг делает шаг ко мне, оттесняя за массивную колонну. Воздух выбивает из лёгких. Я не успеваю сориентироваться в пространстве и глупо уставляюсь на него с удивлением.

— Что ты?.. — ахаю, но резко умолкаю, ощутив обжигающие ладони на своей талии.

Весь мир перестаёт существовать: Ронан без предупреждения накрывает мои губы, и сердце, по ощущениям, с оглушительным грохотом падает вниз.

Мои дрожащие ладони мгновенно упираются в твёрдую грудь, но его это никак не останавливает. Горячий язык проникает в мой рот, и я не сдерживаю стон. Это становится своего рода сигналом, и мужчина прижимает меня всем своим весом, вдавливая в колонну.

Адское пламя распространяется по всем внутренностям: от стыда, волнения и дикого восторга. Кровь превращается в жидкий азот.

Мятное дыхание кружит голову, вытесняя остатки здравого смысла. Запах табака, вкус его поцелуя и ощущение власти смешиваются в единый коктейль.

Видимо, адреналин пускает заряд по венам, поэтому я добровольно выдыхаю, позволяя ему трогать себя. Руки Ронана бесстыже блуждают по моей коже, сжимают бёдра, талию.

Дикое, первобытное желание сносит меня снежной лавиной, и я подчиняюсь ему. Сама тянусь вверх, приподнимаюсь на носочках и хватаюсь за плечи, как за последний оплот надежды.

Лечу, как мотылёк к солнцу, зная, что сгорю…

Я плохо целуюсь. Делала это несколько раз в жизни, но сейчас это неважно.

Кажется, я схожу с ума от взаимного влечения. Иначе не понимаю, почему добровольно подписываюсь на всю ту боль и страдания, которые он может причинить мне.

Нет… С Ронаном всё иначе!..

Всё моё естество кричит об этом, и тогда я делаю робкую попытку перехватить инициативу. Поднимаю ладонь выше, обвиваю шею, жмусь крепче, но ровно до того самого момента, пока перед глазами не вспыхивает чужой образ.

Лицо Деклана всплывает в памяти так неожиданно, что я вздрагиваю. Несколько секунд пытаюсь вытравить прошлое из памяти, но не справляюсь и отталкиваю от себя Блэквуда.

— Извини… — шепчу, пряча взгляд. — Я… я на рабочем месте!

И, не смея оглянуться, сбегаю прочь.

Спрятавшись в уборной для персонала, я приваливаюсь спиной к двери, осмысливая, что это сейчас было. Дыхание замедляется, и я против собственной воли проваливаюсь в воспоминание, как будто оказываюсь под тяжёлыми грудами обломков.

***

«24 декабря (САМЫЙ ПЛОХОЙ ДЕНЬ В МИРЕ!!!)

Привет, дневничок!

Всё. Сочельник испорчен. Можешь вычеркнуть этот праздник из календаря, потому что радости больше нет. Я видела Деклана с ДРУГОЙ.

Он мой! Он всегда был только мой!

Мне исполнилось целых десять лет. Это уже двузначное число, это почти взрослая жизнь! Но Деклан всё равно на-

зывает меня этим дурацким словом «Мелочь». Я ненавижу, когда он так обзывается! Я сто раз говорила ему, что я уже большая, а он смеётся и треплет меня по голове, как Матильду, свою собаку.

А сегодня случилось самое ужасное. Я шла по коридору и увидела его с Меланией. Это дочка кухарки, она всегда ходит перед ним с распущенными волосами. Деклан прижимал её к стене. И их губы были… соединены!!!!

ФУ! КАКАЯ МЕРЗОСТЬ!

Зачем он это делал? Это же противно и совсем некрасиво. У меня внутри всё как будто сжалось. Я сразу убежала из особняка, чтобы мама не увидела, как я плачу.

Дневничок, мне так обидно, что хочется плакать и кричать одновременно. Это предательство. Он должен был ждать, когда я вырасту, а он стоит там, в коридоре, с этой Меланией…

Деклан ОКоннелл самый глупый человек на свете. Но он всё равно мой. Я не отдам его никакой Мелании.

Никогда!!!»

***

К концу дня я готова свалиться буквально сразу же после закрытия дверей. Посетители разъезжаются, и в галерее остаётся только коллектив.

Ноги невыносимо гудят, несмотря на то что на мне лю-

бимые туфли на невысоком каблуке. Перед собранием я, не выдержав, иду в кабинет, переобуваюсь в кеды, и блаженный вздох тут же срывается с губ.

Наконец-то!

Волосы тоже распускаю, слегка помассировав корни. А услышав голос начальника, быстренько убираю заколку в сумку и бегу в средний зал. Финн, как положено, говорит ободряющую речь, заряжающую на следующие две недели, в течение которых будет проходить выставка.

— Вы все огромные молодцы. Первый день прошёл идеально, — произносит начальник, оглядывая каждую из нас. — Хотел бы я придраться хоть к чему-то, но повода нет.

Я прячу усталую улыбку, благодарно кивнув. Единственное, что мне сейчас хочется, это поскорее оказаться дома, в тёплой постели.

На входе мелькает тень, и в зал входит покачивающийся Патрик. Я спешно поднимаюсь, уступая ему стул. Помогаю своему верному другу сесть и становлюсь около него. Патрик давно должен был уйти, но заснул в подсобке, поэтому мы решили его не трогать. Слава богам, что он не вышел к посетителям и не начал делиться с ними своим искренним мнением про живопись.

— Хотя к одному сотруднику вопросы всё-таки есть, но это потом, — протягивает Финн, впиваясь непроницаемым взглядом в своего родственника.

— Чего? — икнув, бросает в ответ Патрик, сосредотачи-

вая размытый взгляд на племяннике.

— За первый день продано больше половины картин. Это отличный результат, — проигнорировав вопрос, начальник делает паузу, что-то обдумывая.

А я мысленно ликую, это гораздо выше показателей нашей прошлой выставки. Значит, зарплата в следующем месяце будет достойная!

— Агата, ты отлично постаралась, — от звука собственного имени вскидываю голову. Начальник смотрит на меня с искренним одобрением. — Ронан Блэквуд выкупил всю серию «Кельтских ведьм».

Тут моя челюсть едва ли не падает вниз.

Честное-пречестное, сдержаться стоит нечеловеческих усилий!

Проводя Ронану экскурсию, я совершенно не думала о продажах. Даже мысли не допускала о том, что мне нужно подтолкнуть его к приобретению.

А он взял и выкупил всего Колума Эвана, у которого мы… целовались.

Что это? Романтичный жест? Или Блэквуду действительно понравились картины?

— Я очень рада, — тщательно скрываю удивление, покосив взгляд на тут же прыснувшую ядовитым смехом Клэр.

— Интересно, как ей это удалось? — загадочно пропевает Меган.

— Возможно, есть проверенные способы, — вторит Клэр

загадочным тоном, подмигнув мне.

Я не принимаю близко к сердцу их глупые, но далеко не безосновательные намёки. Всё-таки в чём-то они правы, и, возможно, Ронан приобрёл картины далеко не из любви к искусству.

Из галереи выхожу ближе к десяти часам. Хорошо, что на время выставки нам изменили график, и в ближайшие недели на работу можно приезжать к двум.

К счастью для моего выжатого, как лимон, уставшего организма, такси приезжает за рекордные несколько минут. Дождя сегодня на удивление нет, как и сил идти домой пешком.

Проезжая мимо знакомых улочек, мысли плавно перетекают к Ронану. После нашего поцелуя я сбежала и больше не видела его. Думаю, Блэквуд сразу уехал, но перед этим успел отдать кучу денег за картины.

Мне стыдно за этот глупый побег. Не стоило себя так вести, но я не смогла сдержать наплыв чувств. Мне безумно нравится Ронан, но я не могу стереть прошлое по щелчку пальцев. Стараюсь, пробую, притупляю, и мне удаётся. Не так быстро, как хотелось бы, но успехи есть. Однажды я буду вспоминать те ужасные события, не испытывая дикую, ломающую кости боль.

И, как бы парадоксально это ни звучало, Ронан исцеляет меня, хотя порой и напоминает о Деклане.

Наверное, мне стоит извиниться перед ним за сегодняшнее. Стоит ведь?

Будучи погружённой в размышления, выхожу из такси и иду кормить Ириску. Однако едва ли я успеваю миновать переулок, как вижу бегущего навстречу соседского мальчугана.

— Агата! Агата! На твою Ириску собака напала! — запыхавшись, сообщает он. — Идём скорее!

— Как напала? — сердце ухает в пятки. Страшные картины, одна хуже другой, вспыхивают в голове, и я тут же бросаюсь следом за ним на задний двор дома.

В центре очень редко можно встретить бродячих собак, тем более здесь. Мне в голову не могло прийти, что такое произойдёт!

Детвора расступается, демонстрируя лежащую на брусчатке Ириску. Та бедная пищит то ли от боли, то ли от страха.

— Бедняжка моя, — опускаюсь на корточки, аккуратно поднимая животное на руки.

С колючим комом в горле я осматриваю кровоточащее порванное ушко Ириски. Прохожусь пальцем по запёкшейся крови на шёрстке, но, кроме этого, других повреждений не нахожу. Лёгкое облегчение позволяет мысленно расслабиться, но я всё равно вызываю такси и везу кошку в ближайшую ветеринарную клинику.

В клинике меня успокаивают, сообщив о том, что жизни и здоровью Ириски ничего не угрожает. Малышке промывают рану и выписывают целую гору лекарств, сказав, что всё заживёт самостоятельно.

Домой мы с моей боевой подругой возвращаемся глубоко за полночь. Конечно же, оставить кошку после пережитого на улице в опасности у меня не поднимается рука.

Прижимая к себе пушистый комок, захожу в квартиру и включаю свет. Ириска тут же начинает пищать, но быстро умолкает: я укладываю её на мягкий плед в гостиной и сажусь на пол у дивана, поглаживая мягкую шёрстку.

— Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем, — шепчу, не представляя, как смогу уговорить хозяйку квартиры позволить оставить её.

Глава 6 Последствия

Утро встречает на удивление солнечной погодой, и от этого мой настрой ползёт вверх. Сладко потянувшись, переворачиваюсь набок, протягивая ладонь к лежащей на соседней половине кровати Ириске.

Первая ночь на новом месте прошла для неё более чем спокойно, чему я несказанно рада. Погладив рыжую мордочку, в приподнятом настроении иду готовить завтрак. Вчера не было времени поужинать, поэтому сейчас желудок жалобно урчит. Ириска тоже не теряется, быстро ориентируется в пространстве и прибегает на запах корма.

Пока поджаривается хлеб для будущих тостов с авокадо, завариваю себе пакетик английского чая, а когда всё готово, симпатично сервирую стол. Есть у меня одна слабость: я обожаю красивую посуду и всё, что связано с кухонной утварью.

При переезде в своё первое отдельное жильё я первым делом купила матерчатую скатерть нежного сливочного цвета и чайную пару из фарфора, расписанную цветами.

Я искренне считаю, что сердце дома — это в первую очередь кухня! Именно с неё началось обустройство квартиры. Не скажу, что я абсолютно довольна интерьером, есть пара недостающих мелочей в виде напольных ламп, тумбочек и, возможно, нового дивана. В общем, я в процессе создания уюта. Из-за работы и отсутствия выходных у меня катастро-

фически не хватает времени на личную жизнь, походы по магазинам и скроллинг маркетплейсов в интернете. Но это ничего, мелочи взрослой жизни.

Неспешно отпивая горячий чай, мой взгляд то и дело падает на лежащий рядом телефон. Интересно, сегодня Ронан появится на выставке? Заедет вечером? Он же не знает, во сколько я закончу… От последней мысли настроение слегка падает.

У меня даже возникает гениальная идея написать ему сообщение. А что я вообще могу ему написать? Поблагодарить за покупку картин? Попросить прощения за то, что сбежала после поцелуя?

Ерунда какая…

В общем, завтрак проходит под мысли о Ронане Блэквуде, в сопровождении сладкого мурчания Ириски. Невзирая на вчерашнее потрясение, малышка полна энтузиазма относительно своей новой жизни и особенно миски с едой.

Нужно что-то решать с её пребыванием здесь, поскорее искать, кому отдать, хотя, признаться честно, делать этого не хочется. Либо всеми правдами и неправдами умолять миссис О'Брайен позволить оставить Ириску. Понятия не имею, как это устроить, в последний наш разговор она даже слушать меня не захотела.

Как и котейка, доедаю всё подчистую, обязательно прибираюсь за собой и иду собираться. Для начала решаю заглянуть к Лилит, мы не виделись, по ощущениям, целую веч-

ность. Моё здоровье относительно восстановилось, поэтому могу наведаться к ней без зазрения совести и страха заразить подругу.

Особо не наряжаясь, надеваю любимые облегающие брюки-клёш с завышенной талией и в тон им чёрный жакет. Волосы собираю в высокий зализанный пучок, так как за окном дует ветерок и идти с распущенными чревато.

Напоследок оставляю Ириске чистую воду с полной тарелочкой корма, глажу мягкую шёрстку и выхожу из дома. Погода на улице стоит действительно чудесная! Солнце заливает улицы Дублина, радостная я шагаю на автобусную остановку, подставляя лицо под тёплые лучи.

К моменту, когда я подхожу к частной клинике, преодолев путь в общественном транспорте, а затем и дорогу от остановки, проходит примерно час.

— Сегодня я твой единственный посетитель? — смеюсь, заглядывая в палату.

— Аги, заходи! — радостно машет Лилит, обернувшись от окна.

— Я тебе витамины принесла, — приподнимаю пакет, демонстрируя фрукты. По пути я успела забежать в супермаркет и купить гостинцев.

— Вы с Киллианом сговорились, что ли? — морщит подруга свой аккуратненький носик.

Поставив пакет на пустой столик, двигаюсь Лил навстречу и крепко обнимаю.

— Он только и делает, что посылки с фруктами и цветами шлёт.

— Разве это плохо? — если честно, удивляюсь такой претензии.

Отстранившись, оглядываю осунувшееся лицо напротив. Лилит выглядит ровно как человек, получивший пулевое ранение и проходящий лечение. При очередном воспоминании о той страшной ночи внутри всё болезненно сжимается. Никогда не забуду голос Киллиана в телефонном звонке. Он звучал на грани отчаяния и одновременно злости. Прежде я его таким не слышала. Тогда-то Блэквуд и сообщил о том, что Лилит ранили, и попросил приехать в больницу.

Я помню всё до мельчайших подробностей. Как соскочила с постели, быстро натянула брюки, накинула толстовку и дрожащими пальцами вызывала такси. А ещё я не забуду, как вошла в палату реанимации и увидела Лилит. Подруга была подключена ко всевозможным аппаратам, отовсюду торчали трубки и звучал страшный писк аппаратуры. Её тело выглядело мертвенно-бледным и неподвижным.

Сложно описать, как сильно колотилось моё сердце в груди, как ком перекрывал горло, отчего приходилось сдерживать рвущийся наружу скулёж от страха, что она не выживет. Что больше Лилит не откроет глаза, не будет заливисто смеяться и говорить мне разные колкости.

— Ты меня вообще слышишь?

Я вздрагиваю от пробравшегося в сознание голоса с

нескрываемыми нотками укора. Тряхнув головой, отгоняю тяжёлые мысли подальше и сосредотачиваюсь на недовольном лице Лил.

— Прости, задумалась, — виновато вздыхаю. — Что ты говорила?

Подруга проходит к кровати и аккуратно на неё опускается. Я следую её примеру и падаю напротив, в широкое кресло.

— Киллиан продолжает вести себя странно. Аги, я уже вся извелась! — делится проблемами личной жизни подруга.

Потянувшись к пакету, она достаёт мандаринку, принимаясь чистить толстую кожуру. Сочный запах цитруса тут же разносится по палате, и я блаженно вдыхаю. Очень люблю его.

Лилит искренне считает, что Киллиан нарочно приезжает по ночам, дожидаясь, пока она уснёт, чтобы проводить меньше времени вместе.

Её невероятно сильно злит тот факт, что муж избегает общения.

Я же другого мнения. Килл наверняка занят делами. Он же любит её больше жизни!

— По-моему, ты себя накручиваешь, — отсекаю мысль, что муж игнорирует Лил намеренно.

— Скорее бы меня уже выписали из этого места. Ещё чуть-чуть, и я сойду с ума! — морщится рыженькая, протягивая мне половину почищенного мандарина. — Вот вер-

нусь домой и заставлю Киллиана стать прежним.

— Не сомневаюсь, — искренне усмехаюсь, отщипывая пухлую дольку и отправляя её в рот. От кислинки моё лицо сиюминутно перекашивает.

— Не понимаю, что с ним происходит?

— Лилит, ты едва не погибла у него на руках, — поднимаю взгляд на подругу, ловя её растерянность. — Поставь себя на место Киллиана. Он бережёт тебя и, скорее всего, винит себя в произошедшем. Убить-то пытались его.

Мы уже обсуждали с ней эту тему, я говорила ровно то же, что сейчас.

Какое-то время молча едим фрукт, следующий чищу уже я и делюсь с подругой второй половиной.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать, — слова вылетают неожиданно. Не успеваю обдумать заранее.

— Что? — Лилит напрягается, похоже, неправильно истолковав моё желание пооткровенничать.

— Я целовалась с Ронаном.

— Чего-о-о?

Подруга подаётся вперёд, округлив свои и без того большие бэмби-глаза.

Прочистив горло, я борюсь с накатывающими волнами стыда и смущения. Усидеть на месте, а не подскочить и начать расхаживать по палате, стоит невероятной самовыдержки.

— В тот день, когда Ронан подвёз меня на работу, я про-

студилась. Ну ты и так это знаешь, — начинаю издалека. — Он заметил это и приехал вечером с лекарствами…

В общем, я делюсь новостями последних дней. Рассказываю абсолютно всё, не утаивая ни единой детали.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спрашиваю уже в самом конце длинного монолога.

— Думаю, что тебе офигенно повезло! Уверена, Ронан охренительно трахается, — подруга впервые за мой визит расплывается в искренней улыбке. — Он же Блэквуд. Вот Киллиан…

— Боже, Лилит, я не хочу этого знать! — перебиваю, будучи уверенной, что она собирается делиться подробностями их интимной жизни.

— Да ладно тебе, может, чего полезного подчерпнёшь. Ронана потом удивишь, — томно стреляет глазами из-под густых ресниц рыжая бестия, а я, заливаясь краской, хохочу.

— Я не собираюсь с ним спать! — выпаливаю на эмоциях. — Почему ты всё сводишь к сексу?

— Не знаю, не знаю, — тянет подруга. — За лекарства и целую серию картин ты как минимум должна отработать.

— Ты ужасная, Лилит О'Коннелл-Блэквуд!

— Голову на отсечение кладу, что Ронан любит доминировать в постели, — не останавливается Лил, продолжая меня добивать. Она сидит, откинувшись на спинку кровати, вытянув перед собой ноги. — Плётка там, наручники и все дела.

— Прошу, замолчи, — хнычу, прикрывая лицо рукой.

Но фантазия против воли рисует картины полуобнажённого Ронана. И тут же в груди вспыхивает пожар, словно он действительно стоит передо мной с приспущенными брюками, открывающими вид на его идеальное рельефное тело.

Косые мышцы… Кубики пресса… Руки с проступающими венами…

— Готовь свои сладкие булочки, Аги. Скоро Блэквуд до них доберётся, — накаляет обстановку Лилит, разражаясь весёлым смехом.

— Какая же ты всё-таки озабоченная извращенка! — швыряю в неё недоеденным мандарином, но подруга перехватывает фрукт на лету и закидывает в рот пару долек.

Время пролетает незаметно, а если быть точнее, как один миг. Попрощавшись с рыженькой, бегу на работу в приподнятом настроении.

По дороге я думаю о том, что мне нужно рассказать Лилит ещё кое-что. Она моя близкая подруга, и продолжать скрывать это становится невыносимо…

Дело в том, что некоторое время я помогала Киллиану, передавая информацию из особняка О'Коннеллов. Это было короткое сотрудничество, продиктованное импульсивным решением. Желанием отомстить

Сейчас, на относительно холодную голову, я понимаю, что не стоило этого делать. По сей день корю себя, хотя пользы от моей помощи Киллиану почти не было.

И всё же я предательница.

При желании увидеться с мамой и вернуться домой совесть съедала бы меня каждую минуту, проведённую в особняке О'Коннеллов.

Наверное, хорошо, что мама не желает меня видеть.

На работу приезжаю впритык по времени, едва ли не опаздывая. Я так быстро иду от автобусной остановки, что не замечаю лужу у дороги. Очень зря.

Проносящаяся мимо машина окатывает меня грязной водой, и я ошарашенно замираю посреди тротуара, глядя на испачканные брюки.

Вскинув голову к небу, несколько раз делаю глубокий вдох и выдох. В галерею я захожу с мыслями о том, что нужно как можно скорее застирать ткань.

— Привет, девочки! — здороваюсь со стоящими около ресепшена Меган и Клэр.

Коллеги что-то бурно обсуждают, но стоит обеим оглянуться в мою сторону, как они тут же расплываются в сардонических улыбках.

— Ой, а вот и наша звезда! — нараспев произносит Меган, обмениваясь многозначительным взглядом с подругой. — Готова сегодня поработать?

— Мистер Блэквуд заглянет к нам? Или ему вчерашней экскурсии хватило? — подхватывает Клэр без промедления.

— Не знаю, мистер Блэквуд не посвящает меня в свои планы, — улыбаюсь в ответ.

Не дожидаясь следующей порции вопросов, направляюсь в кабинет с мыслями о том, сколько же инвойсов мне предстоит подготовить для целой серии Кельтских ведьм. Но для начала необходимо привести внешний вид в порядок.

Однако всё идёт далеко не по плану.

— Агата, зайди ко мне! — зовёт Финн из соседнего кабинета, и я поворачиваю голову, глядя в приоткрытую щель его двери.

Взгляд, полный досады, опускается на мои испачканные брюки. Было бы чудесно почистить их, пока грязные капли не засохли. Но ничего не поделаешь, приказ нужно выполнять.

— Проходи, — подзывает начальник ближе, стоит мне показаться на пороге его кабинета.

Сам Финн поднимается и обходит стол, опираясь на него. Странное предчувствие неприятно отзывается в груди. Обычно рабочие вопросы начальник предпочитает обсуждать в самих залах, а не наедине.

— Что-то случилось?

— Агата, ты отличный сотрудник. И мне неприятно проводить этот разговор, — сухо произносит мужчина.

Ужас сковывает каждую мышцу, и я медленно выдыхаю, смотря в непроницаемое лицо Финна. Меня увольняют?

— Послушай, я на многое закрываю глаза. Стараюсь быть лояльным, но у всего есть предел. То, что произошло вчера, выходит за все рамки дозволенного, — он проводит ладонью

по светлым волосам в нервном жесте, а затем, немного помолчав, добавляет, покачав головой: — И моего понимания.

Не добавляя ни слова, Финн разворачивает свой ноутбук.

По ощущениям вся кровь отходит от моего лица, а каждую мышцу парализует, заставляя окаменеть на месте. На экране красуется стоп-кадр записи камер видеонаблюдения.

И на нём мы с Ронаном целуемся…

Жар от неистового стыда распространяется по коже, прежде чем я успеваю издать хоть малейший звук. Тяжело сглатываю, я понятия не имею, что говорить и как теперь смотреть в глаза начальнику.

— Простите… — выдавливаю силой.

— Твоя личная жизнь не должна распространяться на галерею и мешать её работе. А если бы кто-то из гостей вас увидел? — резкие нотки проскальзывают в помрачневшем тоне.

— Я… Я не хотела, чтобы так получилось…

— Ты можешь себе представить, какой позор нас мог ждать? — продолжает начальник, игнорируя мои вялые попытки оправдаться. — Агата, я долгие годы создавал безупречную репутацию галереи не для того, чтобы кто-то из сотрудников перечеркнул всё в один миг.

— Прошу прощения… — повторяю, не имея аргументов в противовес. — Вы правы!..

Я не должна была поддаваться эмоциям и вести себя неподобающим образом на рабочем месте. Но в тот момент

мозг отключился, стоило рукам Ронана оказаться на моей талии…

— Что бы о нас написали? Что в Лиффи арт хаус устроили публичный дом? Ты едва не уничтожила нас.

Закусив щёку до боли, я хочу провалиться сквозь землю. Исчезнуть и испариться, до такой степени меня одолевают угрызения совести.

— И мне очень не нравится, что среди коллектива ползут слухи. Если бы ты была менее профессиональна, мы бы попрощались сразу, — услышав это, я еле заметно выдыхаю.

Меня не увольняют. Уже хорошо.

— Финн, я обещаю, подобное не повторится, — впервые вскидываю на него взгляд, полный искреннего отчаяния.

— Это в первый и в последний раз, когда я иду тебе навстречу в подобном вопросе. Однако я всё же буду вынужден наложить штрафные санкции, — Финн отталкивается и обходит стол, возвращаясь на исходную позицию. — Галерея удержит у тебя весь процент за продажу серии Колума Эвана.

Это становится вторым потрясением, от которого я едва сдерживаюсь, чтобы не расплакаться от бессилия.

— Но это же никак не относится к продажам. Картины были куплены… Никто из гостей не видел…

Речь идёт не о какой-то незначительной сумме, на кону несколько тысяч евро! Серия Кельтских ведьм — одна из самых дорогих на текущей выставке, и я должна была получить за неё огромный процент.

Деньги мне сейчас совсем не лишние, я могла бы отложить их на чёрный день или быть спокойной, зная, что в состоянии покрыть следующий месяц аренды квартиры.

— Если не устраивает штраф, ты можешь уйти прямо сейчас. Мне будет жаль расставаться с хорошим сотрудником, но я не могу и не имею права удерживать тебя насильно, — Финн разводит руки в стороны.

Я делаю нетвёрдый шаг назад к выходу, поджимая дрожащие губы. Внутри образуется дыра размером с кратер, в которую постепенно опускаются обида и отчаяние.

— Хорошо. Пусть будет штраф, — не скрываю надлом в голосе.

Услышав от начальника, что свободна, я буквально пулей вылетаю из кабинета. В свой идти не хочу, так как слышу доносящийся голос Клэр, разговаривающей с кем-то по телефону, поэтому бегу в уборную, закрываясь внутри.

Нужно ли говорить о том, в каком состоянии я нахожусь весь рабочий день? Он проходит словно в тумане, сливаясь в жуткий непрекращающийся кошмар.

Мне стоит нечеловеческих усилий сдерживаться при каждой мысли о том, какое унижение я потерпела, опозорившись. Финн сказал, что по коллективу ползут слухи, а это означает, что Меган, Клэр и даже Патрик в курсе того, что я целовалась на выставке с одним из посетителей.

Так вот почему девочки говорили со мной так подозрительно. Это были намёки на то, что они знают правду!

Находясь в полной прострации, я умудряюсь консультировать клиентов, готовить необходимые документы для продажи картин Ронану Блэквуду и стараться не смотреть в сторону ресепшена, откуда доносится весёлый смех.

За несколько часов до открытия выставки, когда вся работа проделана, не справившись с удушливыми мыслями, прячусь в подсобке, давая волю горьким слезам. Стыд и съедающее чувство вины душат, заставляя тихонько всхлипывать в одиночестве.

Винить, кроме самой себя, мне, конечно же, некого. Злиться тоже…

— Ты чего это? Плачешь, что ли? — дверь в подсобку вдруг неожиданно распахивается, являя собранную фигуру Патрика.

Мужчина смотрит на меня с удивлением, вскинув густые брови.

— Нет… Нет, я так… просто… — спешно поднимаюсь, вытирая влажные дорожки с лица.

Патрик закрывает дверь, отгораживая нас от посторонних звуков, и произносит серьёзным тоном:

— Наплюй на всех. Финн с детства чопорный зануда, а эти две гиены тебе завидуют.

Понимая, что отнекиваться бессмысленно, я обмякаю, падая обратно на стул. Очередной всхлип срывается с губ, заглушить я его не пытаюсь. Патрик подходит ближе и по-отечески кладёт ладонь мне на плечо, похлопывая.

— Я сама виновата. Мне так сты-ы-ыдно!.. — протягиваю навзрыд.

— Не неси чепуху, — невозмутимо звучит сверху.

— Все это увидели… и вы, нав-верное, тоже…

— Развела драму на ровном месте, — вздыхает мужчина. — Ну видели они, и что? Каждая из этих них мечтает урвать толстый кошелёк. А твой ухажёр вон сколько денег отстегнул за эти каракули, — на последнем предложении вскидываю голову, наблюдая за сморщившимся от цинизма лицом Патрика.

— Он не мой ухажёр. И его деньги мне не нужны, — сглатываю, вытирая нос тыльной стороной ладони. — И вообще мы дружим!..

— Дружите, — с озорным прищуром, скрывающим зелёную радужку глаз, весело улыбается он. — Ртами?

Смех вырывается сквозь слёзы, и я, не сдерживаясь, эмоционально хохочу. Нет, мне ни капельки не обидно от замечания Патрика, потому что он прав. Между нами с Ронаном нет и не может быть дружбы. Тем более после поцелуя.

Патрик вскоре уходит, оставляя меня одну успокоиться и привести внешний вид в порядок. Приложив немало усилий, я заставляю внутреннюю ранимую Агату взять себя в руки и собраться. Осталось отработать выставку, и можно будет ехать домой.

Возможно, мне удастся продать пару картин и получить хоть какой-то процент взамен потерянного.

С воодушевлённым настроем и твёрдым намерением поработать я возвращаюсь в зал, но замираю посреди экспонатов, услышав истошный женский визг.

Внутри всё ухает от неожиданности и подскочившей к горлу паники.

Бросившись на крики, я вылетаю в холл галереи. Как выясняется, кричала Меган: проходящий мимо Патрик опрокинул на девушку целый стакан томатного сока. Пострадал её новый пиджак, который, по словам самой Меган, стоил как годовая зарплата Патрика.

Сам же виновник происшествия, пошатываясь на нетвёрдых ногах, сообщает в свою защиту, что опохмелялся, но промазал мимо рта.

Подозрения тут же закрадываются в голову, но я решаю оставить их при себе.

— Патрик, вы это специально сделали? — поймав мужчину между залами по окончании всех разборок, тихо спрашиваю я.

— Как часто Финн проверяет камеры? — совершенно трезвым голосом произносит он. Ещё пять минут назад мужчина едва ворочал языком.

Не сбавляя шага, Патрик направляется в часть галереи, закрытую для посетителей, а я почти бегу следом.

— Не знаю. Вроде редко… — теряюсь, не понимая, к чему он ведёт.

— А кто ещё имеет к ним доступ?

Патрик останавливается у распахнутой двери, но не заходит внутрь, ожидая ответа.

— Меган, — озарение приходит мгновенно.

Мужчина салютует мне двумя пальцами и скрывается на складе, оставляя меня наедине с неприятным холодком внутри.

Это Меган показала записи Финну?

Разочарование растекается по венам тягучим ядом. За что она так со мной? Я ведь ничего плохого им не сделала. Не увожу клиентов, наоборот, делюсь своими постоянными покупателями с Клэр, если чувствую, что сама не справляюсь с нагрузкой. Пеку для девочек ванильные капкейки перед выходными, всегда стараюсь быть милой и вежливой.

Я искренне хочу стать частью коллектива, а они вот так…

Вдруг Патрик ошибся? Финн вполне мог сам просмотреть записи.

С тяжёлой головой и неприятным осадком внутри возвращаюсь к работе, снова и снова прокручивая в памяти, за что меня можно так сильно недолюбливать.

Выставка, как и положено, открывается в шесть часов вечера. Сегодня посетителей меньше, нежели было вчера, но от этого в галерее не менее многолюдно.

Признаться честно, я допускаю мысль, а если быть точнее, тихонько фантазирую о том, что Ронан приедет. Но за весь вечер, сколько бы я ни пыталась выцепить его фигуру из толпы, как бы украдкой ни оглядывалась по сторонам, так и не

нахожу его.

Вечер размывается сплошным бесцветным пятном. Те же беседы, разговоры об искусстве и неизменно новые полезные знакомства. Раньше я была в восторге от всего происходящего в галерее, но не сегодня. Слишком тяжёлый на душе груз… А ещё мне кажется, что каждый из присутствующих знает, что я некомпетентна, раз целовалась с одним из гостей.

Домой решаю дойти пешком. После непростого дня хочется проветрить загруженную голову. Прохладный ветерок треплет волосы, и я, повесив сумочку через плечо, неспешно бреду по улочкам Дублина. Стук моих каблуков разносится в тишине спального района, успокаивая натянутые нервы.

Мне удаётся отпустить ситуацию, смирившись с тем, что коллектив знает про нас с Ронаном, а ещё удержанный процент.

Это жизнь, и не всегда в ней всё бывает гладко.

Подходя к дому, я думаю лишь о том, что сейчас приму душ и сразу лягу отдыхать. А зайдя в подъезд, устало вздыхаю, решив, что идея прошагать полмили пешком была не самой удачной для моих и без того гудящих ног.

Однако стоит подняться на этаж, как я с ужасом содрогаюсь, услышав истошные кошачьи вопли, доносящиеся именно из нашей с Ириской квартиры.

Попасть в замочную скважину ключом мне удаётся с третьей попытки из-за дрожащих рук. Чего я только не успеваю

надумать за эти секунды, пока прорываюсь к страдающему животному.

Нашарив рукой по стене, включаю свет, и передо мной предстаёт великолепная картина: завидев меня, Ириска тут же перестаёт пищать и, как ни в чём не бывало, подбегает, начиная тереться об ноги.

— Ты чего ругалась-то? — опускаюсь на корточки, всё ещё находясь под воздействием шока.

Животное, конечно, не отвечает, хотя на что ещё я рассчитывала? Я быстро провожу осмотр рыжика и, не обнаружив причин для паники, закрываю дверь.

Расстегнув сапоги, аккуратно отставляю их в сторону и сбрасываю верхнюю одежду уже на ходу, бросая куртку в гостиной. На всякий случай проверяю комнаты, но всё ровно в том же состоянии, как я оставила утром.

— Распереживалась, что меня долго не было? — поднимаю Ириску, ходящую по пятам, прижимая к груди.

Бурная фантазия заставляет поверить в то, что кошка, почуяв за собой вину, тычется мордочкой мне в шею. Даже шершавым языком пару раз облизывает кожу в качестве извинений.

Но едва мы обе успеваем успокоиться, как раздаётся требовательный звонок в дверь. Взгляд автоматически падает на деревянные напольные часы. Я купила их на местной барахолке в один из немногочисленных выходных. Стрелки отбивают десятый час ночи.

Звонок тем временем не прекращается ни на одну секунду, продолжая гудеть в ушах.

Кого в такое время принесло? И что за настойчивость на грани наглости?

В груди неприятно щемит от дурного предчувствия, я спешно приоткрываю дверь, но мгновенно теряю дар речи.

— Миссис О'Брайен? — взволнованно снимаю цепочку, позволяя хозяйке квартиры пройти внутрь. — Добрый вечер!

— Добрый? — женщина выгибает бровь, и морщинистая кожа на её лбу собирается в складку.

Она переводит брезгливый взгляд, граничащий с раздражением, с Ириски, сжавшейся в комок на моих руках, на моё лицо.

— Соседи весь вечер не прекращают жаловаться на шум из квартиры, — недовольным тоном заявляет хозяйка, оттесняя меня в сторону.

— Миссис О'Брайен, простите, пожалуйста! — лепечу, следуя за ней по пятам во все комнаты, как это делала Ириска несколько минут назад. — Собаки вчера подрали котёнка во дворе, мне пришлось взять её к себе на ночь…

В надежде вызвать жалость поворачиваю рыжика к женщине порванным ушком, но та проходит мимо меня, не удостоив взглядом.

— Я весь день провела на работе. Наверное, котёнку было страшно, поэтому она шумела.

Игнорируя все мои слова, хозяйка возвращается в гостиную, небрежно швыряя на комод бумаги, достав их из стильной сумки.

— Ты нарушила пункт договора, в котором сказано, что в квартире не должно быть никаких животных, — ледяным тоном произносит она.

— Миссис О'Брайен…

Холодный пот проступает на лбу, стоит мне поднять взгляд на ледяную маску безразличия на худощавом лице, выдающем преклонный возраст.

Миссис О'Брайен вскидывает ладонь вверх, давая понять, чтобы я не перебивала и дослушала.

— Согласно этому пункту, за нарушение условий я имею право расторгнуть с тобой договор в одностороннем порядке.

— Но миссис О'Брайен… — вся кровь отливает от моего лица.

Что мне сказать? Я знаю про этот пункт, так как внимательно читала и прекрасно помню условия.

— Прошу вас, дайте мне пару дней! Я найду ей дом, обещаю! — горячо восклицаю, подавшись вперёд. — Вы же сами видите, кошка ничего не испортила. У неё есть свой лоток, она нигде не гадит. Вещи не портит, мебель в полном порядке!

Но хозяйка квартиры непреклонна. Оглядев меня с головы до ног более чем говорящим взглядом, она небрежно бро-

сает:

— Даю время до утра найти новое жильё и освободить квартиру, иначе я буду вынуждена прибегнуть к крайним мерам и подать в суд. Залог остаётся у меня за нарушение договора. Это также было прописано в договоре.

И уходит. Дверь за миссис О'Брайен закрывается с оглушительным хлопком, отчего по коже пробегают морозные мурашки. А я так и остаюсь стоять посреди коридора с сжавшейся Ириской на моих дрожащих руках.

Как под гипнозом, закрываюсь на замок и на ватных ногах шагаю в спальню. Зачем-то оглядываюсь по сторонам, словно в поисках подтверждения, что происходящее — реальность, а не страшный мучительный сон.

Кошка спрыгивает из моих рук прямо на кровать, и я, следуя её примеру, слишком резко опускаюсь, сминая под собой застеленный плед.

Мне некуда идти. Не к кому стучаться и просить о помощи.

К матери я в жизни не вернусь и не буду проситься обратно в наш небольшой домик для персонала, находящийся на территории поместья О'Коннеллов. Да и она сама меня не примет после всего, что я натворила несколько месяцев назад, прежде чем съехала.

Лилит в больнице. У подруги и без меня хватает переживаний о поведении Киллиана. Да и что она сделает? Не заберёт же нас с Ириской в квартиру мужа.

Я могла бы позвонить самому Киллиану, но ему явно не до меня. Уверена, в жизни Блэквуда-младшего творится кавардак и война с семьёй жены.

Откинувшись на спину, несколько секунд смотрю в светлый потолок, а потом бездумно поворачиваюсь набок, впиваясь взглядом в незамысловатый букет цветов, стоящий на прикроватной тумбе.

Ронан…

В голове по-прежнему нет ни единой мысли. Планов тоже нет, но я ныряю в карман брюк и достаю телефон. Без понятия, чем я руководствуюсь, когда ледяными пальцами нахожу в звонках контакт «Ронан Блэквуд» и жму кнопку вызова.

Из динамика звучат гудки. Они кажутся невыносимо долгими и длящимися не просто вечность, а целую бесконечность. Слабый проблеск того, что делать этого не стоит, появляется ровно в тот момент, как я слышу мужской голос.

— Агата? — звучит с отчётливыми нотками удивления. Наверняка он ошарашен звонком в столь позднее время.

— Прости… — мямлю, закусывая губу. Ком перекрывает горло, в этот миг я искренне убеждена, что звонить Ронану было несусветной глупостью. — Я случайно набрала… — вру первое пришедшее в голову.

— Что случилось? — мужской тон мрачнеет. Блэквуд несомненно понимает, что я солгала. Причём неубедительно, а дрожащий от волнения голос становится тому прямым подтверждением.

— Ронан… я не знала, кому ещё могу позвонить… — всхлипываю, выпаливая прежде, чем успеваю обдумать.

— Где ты? — нетерпеливо уточняет собеседник, и я слышу шум шагов на фоне.

— Дома…

От обыденного слова «дом» слёзы вырываются наружу вместе с отчаянным всхлипом.

Ириска, пискнув, спрыгивает на пол, а я зажмуриваюсь и утыкаюсь лбом в плед.

— Еду.

Глава 7 Границы

Ронан

Запах сигаретного дыма заполняет отцовский кабинет. Серый морок стелется в полумраке помещения, частично перекрывая вид на ночной порт.

— Отец бы не одобрил, что в его кабинете курят, — хмыкаю, откидываясь на спинку одного из кресел вдоль длинного переговорного стола.

Развёрнутый к панорамным окнам, наблюдаю за погрузкой контейнеров. Горечь алкоголя заставляет поморщиться, но я делаю контрольный глоток.

— Конор Блэквуд мёртв, — безэмоционально произносит Киллиан. — Отцу уже глубоко наплевать, что здесь творится.

Медленно киваю, не отводя взгляда от оживлённого внизу терминала.

Киллиан опускается в соседнее кресло, вытягивая перед собой ноги.

— Как с Северными прошло? — ожидаемо спрашивает он.

Тема Северных, откровенно говоря, начинает действовать на нервы. Очередные переговоры закончились на негативной ноте.

Отец всегда считал, что с соседями не стоит лезть в от-

крытую конфронтацию, и я поддерживаю его политику. Но в данном случае обстановка накаляется, выходя за рамки мирного сосуществования.

— Дерьмовый получается расклад, — поднимаюсь и двигаюсь в сторону мини-бара за новой порцией алкоголя. — Малкольм не верит, что груз могли перехватить без помощи кого-то из Портовых.

— По-другому с ними нужно разговаривать, Ронан, — тон младшего брата заметно мрачнеет. — Моё мнение ты знаешь: Фрейзерам давно пора указать место. Не переговорами, а делом.

— Не нагнетай, Киллиан, — бросаю на брата мрачный взгляд. — Тем более мы до сих пор не уверены, что утечка пошла не от нас. Нужно дождаться, когда пропавший груз всплывёт. А он всплывёт. Огромную партию будет нелегко толкнуть на чёрном рынке.

— Предлагаешь неизвестно сколько сидеть и ждать?

— У тебя есть другие варианты? — возвращаюсь на исходную позицию, останавливаясь напротив брата.

— Мы Портовые, — недобрый проблеск в глазах Килла, доставшихся ему от матери, не сулит ничего хорошего. — И не ублюдку Фрейзеру качать нам права.

— Именно поэтому отец и не хотел допускать тебя к управлению. Ты импульсивный, — понимаю, что звучит грубо, однако это истина. И её ничем не прикроешь.

— Но я здесь, как бы сильно вы ни пытались вытравить

меня, — цедит братец сквозь зубы.

— Ты не будешь действовать необдуманно. Контракты с Северными приносят Порту огромные деньги. Мы не испортим с ними отношения из-за одной сорванной поставки, — отпиваю из бокала, прикидывая дальнейший план действий. — Дождёмся информации, а потом раскрутим цепочку и узнаем, кто слил маршрут. Договор?

— Договор, — кивает брат без особого энтузиазма.

Киллиан отличный управленец, когда дело касается самого Порта. Он знает терминалы лучше большинства начальников смен, способен за полчаса решить проблему, на которую у других ушёл бы день, и всегда чувствует, где начинается дерьмо, ещё до того, как оно всплывёт наружу.

Но стоит угрозе коснуться клана, семьи или его самого, как здравый смысл тут же уступает место эмоциям.

На данный момент брат напряжён не столько из-за Северных. Киллиана ломает из-за того, что он вынужден отправить жену в Нью-Йорк без обратного билета.

Ради её же безопасности, но от этого не легче.

— Когда Лилит улетает? — смягчаю тон, глядя на осунувшееся лицо брата.

Киллиан тушит окурок в пепельнице, тянется за следующей сигаретой и только потом отвечает:

— Через три дня.

— Она уже знает?

— Нет. День в день скажу, — нервно проводит рукой по

волосам, шумно выдыхая.

Односложные ответы дают понять, что развивать тему брат не намерен.

— Это жёстко, но правильно, — протягиваю бокал, делясь содержимым, и Килл не отказывается. — Так лучше и безопаснее, в первую очередь для неё. Кормак не успокоится, пока не прикончит кого-то из вас двоих.

В прошлый раз Лилит успела прикрыть собой Киллиана, подставив собственную жизнь под удар. Но вряд ли её отец остановится на одной попытке убрать неудобного зятя или предательницу дочь.

Именно поэтому Килл отправляет супругу в Штаты и разрывает их отношения. Хочет снизить градус напряжения в Дублине и собственноручно расправиться с заклятым врагом семьи, Кормаком О'Коннеллом.

— Повеселимся, братец? — жёстко усмехается он, залпом осушая содержимое стакана. — Ублюдки О'Коннеллы, теперь ещё и Северные.

— Скучать определённо не придётся, — киваю, жёстко усмехнувшись. — Главное, не действуй необдуманно, а в остальном я тебя всегда поддержу.

В прошлом мы с Киллианом вряд ли могли называться дружными братьями. Отец всегда разделял наши роли, позиции и место в клане.

Я рос с чётким пониманием того, что однажды Порт достанется мне. И, если говорить начистоту, меня мало волно-

вали чувства или амбиции Киллиана. Тогда я был эгоистичным ублюдком, думающим только о себе и интересах клана. Даже был готов жениться на девчонке из семьи врагов, О'Коннеллов, и заключить с ними мир. Но Киллиан украл у меня Лилит прямо из-под венца и женился на ней сам. Он сделал это из желания отомстить нам с отцом, смешать все карты и разрушить планы. Тогда-то в голове что-то ощутимо щёлкнуло.

А вот когда брат едва не погиб, я уже чётко осознал, насколько несправедлив был к нему все эти годы. Он моя единственная семья. Родная кровь. И никакое наследство клана не стоит того, чтобы потерять младшего брата.

После непростого разговора Киллиан уезжает в больницу к Лилит. Я поднимаюсь к себе, решая уделить время документам.

Скопилось слишком много информации, которую нельзя доверить третьим лицам. А учитывая утечку маршрута груза Северных, стоит тщательнее подходить к конфиденциальности и всё перепроверять лично.

Проблема лишь в том, что сосредоточиться становится всё сложнее. Мысли то и дело возвращаются совсем не к работе. К Агате.

Сам не понимаю, что происходит. Почему тянет к ней, как к магниту. Давно такого не было, чтобы думал о ком-то день и ночи напролёт.

— Ванесса? — замедляю шаг в пустой приёмной. — Что

ты здесь делаешь?

— Вас ждала, — штатный юрист поднимается и шагает навстречу из зоны ожидания. — Секретарь сказала, что вы сегодня задержитесь.

— Что-то важное? — бросаю короткий взгляд на папку в её тонких пальцах. — До завтра ждёт?

— Очень важное, мистер Блэквуд, — выразительно ведёт бровью, откидывая светлую копну волос назад.

— Проходи, — пропускаю её в кабинет первой, прекрасно понимая, что к чему.

Стоит двери закрыться, девушка по-хозяйски проходит в центр, небрежно бросая папку на стол для совещаний.

— Документы, я так полагаю, предлог? — останавливаюсь на расстоянии, убирая руки в карманы брюк.

— Я ждала тебя вчера. И позавчера, — опирается на стол, складывая руки на груди, обтянутой белой блузкой. — Последние несколько дней ты будто намеренно меня избегаешь.

— В чём суть претензии?

— В чём суть? Я тебе открыто говорю: что происходит, Ронан? Раньше ты хотя бы предупреждал, когда исчезал.

— Не переходи границы, Ванесса, — понижаю тон, глядя на девчонку в упор. — Ты знала, на что соглашалась. Не припоминаю пункта, обязывающего меня отчитываться перед тобой.

— Да! Да, я добровольно подписалась под формат отношений, который был нужен тебе, — она прытко отталкивает-

ся от стола, проходя ближе, но осекается под тяжёлым взглядом. — Точнее, вообще на их отсутствие, но, Ронан, я тоже живой человек. Я не железная!

— В таком случае предлагаю закончить нашу связь прямо сейчас. Раз это становится непосильным, я не имею права удерживать тебя рядом, — прохожу за рабочее место и опускаюсь в кресло, раскрывая оставленную секретарём папку с документами на подпись. — Можешь не волноваться, на работе это никак не отразится. Ты один из лучших юристов в штате, поэтому должность останется при тебе.

— Но…

— Если это всё, что вы хотели обсудить, то можете идти, мисс Рид.

— Ты шутишь, да? — Ванесса сжимает ладони в кулаки и, звонко стуча каблуками, проходит ближе. — Ронан, я даже была готова смириться с тем, что между нами всё кончено, когда ты собирался жениться! — выпаливает она на эмоциях.

— К чему это сейчас? — устало потираю переносицу без малейшего желания устраивать разбор полётов.

Идея завести интрижку на рабочем месте несколько лет назад казалась хорошей. Тогда я думал далеко не головой, увидев эффектную блондинку, устроившуюся в Порт помощником юриста.

С самого начала между нами были понятные правила. Никаких обязательств и только секс, но, похоже, Ванессу пере-

стаёт устраивать формат подобных отношений. А другой мне не интересен. По крайней мере, с ней.

— К тому, что я всегда была рядом, Ронан.

Ванесса останавливается возле кресла. Тонкие пальцы скользят по моему плечу, поднимаются к шее. Раньше один этот взгляд заставил бы меня притянуть её к себе. Сейчас же внутри не отзывается ничего.

— Но ты не женился, — тихо шепчет она. — Тогда почему продолжаешь держать меня на расстоянии?

Ванесса чуть склоняет голову, внимательно вглядываясь в моё лицо. Желаемое она на нём в любом случае не увидит.

— Я же вижу, Ронан. Ты тоже что-то чувствуешь. Именно поэтому пытаешься отдалиться. Ты избегаешь привязанности.

От анализа доморощенного психолога на моих губах появляется короткая усмешка. Скорее от абсурдности происходящего, чем от веселья.

Вибрирующий в кармане пиджака телефон вовремя отрывает от нескладного разговора.

— Подожди, — выставляю указательный палец, на что Ванесса хмурится, но терпеливо отступает.

На экране высвечивается номер Агаты, и взгляд автоматически ползёт на наручные часы. Она точно не будет звонить в такое время по пустяку.

— Агата? — отвечаю без раздумий, почуяв неладное.

— Прости… — девичий голос звучит раздавленным. —

Я случайно набрала…

Плохое предчувствие тут же посылает сигнал в мозг, отбивая тревогу.

— Что случилось? — сам не понимаю, как поднимаюсь на ноги. Врёт она снова не особо убедительно.

В трубке звучит секундное молчание, затянувшееся, по ощущениям, на целую вечность.

— Ронан… я больше не знала, кому ещё могу позвонить…

Этого становится достаточно, чтобы я, забыв обо всём на свете, спешно двинулся в сторону выхода.

— Где ты?

— Дома… — не сдерживаясь, сопит в трубку, а меня как будто под дых ударили от одного представления, в каком она состоянии.

— Еду, — бросаю коротко. — Ты одна? Рядом кто-то есть?

В голову лезут разные мысли. Начиная от того, что к ней вломились, и заканчивая более мерзкими вещами. Такими, от которых кровь в жилах сворачивается.

— Да… я одна…

— Хорошо. Скоро буду, — выдыхаю, отметая худшие из вариантов, и отключаюсь.

Меня мало заботит, что Ванесса услышала этот разговор. Она далеко не глупая, выводы сделает самостоятельно.

— Так вот оно что, — звучит хлёсткое за спиной, тут же

подтверждая догадки. — Теперь всё становится понятным, — ядовито тянет блондинка.

Умница. Это правильно.

— Водитель отвезёт тебя домой, — бросаю, не оборачиваясь, и покидаю кабинет.

Глава 8 Дом

Агата

Настойчивый стук в дверь заставляет каждую клеточку тела вздрогнуть и вынырнуть в реальность из необъяснимого состояния, где нет ни мыслей, ни эмоций.

Нос отказывается нормально дышать из-за горько пролитых слёз. Я поднимаюсь с постели и тут же прижимаю пальцы к вискам. Всё вокруг ощущается каким-то страшным сном. Кошмаром, от которого хочется поскорее проснуться.

Звук повторяется, и я покидаю спальню на негнущихся ногах.

Стоит мне увидеть стоящего на пороге Ронана, как слёзы снова собираются в глазах против воли, застилая взор. Внутри всё сжимается от нахлынувших чувств, и я теряю способность говорить. Я могу лишь смотреть на него, не в силах скрыть стыд и отчаяние, отражающиеся в моих глазах.

— Что случилось? — мистер Блэквуд уверенно проходит в квартиру, мягко оттесняя меня в сторону.

Мужчина бегло осматривает открывающееся пространство, а затем, не услышав от меня вразумительного ответа, кладёт свои аристократичные ладони на мои плечи, слегка наклоняясь.

— Агата? Говори, не молчи, — требует он, но в его голосе отчётливо слышится волнение.

— Прости, п-пожалуйста!.. — всхлипываю, безуспешно прикрывая лицо дрожащей рукой в надежде отгородиться от него. — Мне очень стыдно. Не нужно было тебе звонить…

— Тебя кто-то обидел? — Ронан аккуратно убирает мою ладонь и тотчас обхватывает подбородок, всё же заставляя поднять на него глаза и столкнуться с бушующим в его океане огнём. — Кто?

— На Ириску вчера напали собаки, — продолжая плакать, едва заметно киваю в сторону гостиной. — Я забрала её в квартиру. Ронан, как я могла оставить её на улице после такого?

— Потом? — В его голосе слышится нетерпение, но, как бы я ни старалась, не могу собраться и чётко сформулировать мысль заплетающимся языком.

Я едва ли сумела наладить свою жизнь и быт, как моя шаткая вселенная в очередной раз дала глубокую трещину. И теперь она выглядит словно облупившаяся краска на самой дорогой для души картине, над которой была проделана колоссальная работа.

— Хозяйка квартиры узнала про это. Миссис О'Брайен сказала, чтобы завтра утром меня не было в её квартире… — на последних словах я и вовсе срываюсь в безудержные рыдания, переставая контролировать поток слов и обрывки предложений. — Я не знаю, что делать… К маме вернуться не могу… А больше мне некуда…

Ронан отпускает меня всего на несколько секунд, но они

ощущаются целой бесконечностью одиночества и тремора, пробирающего до костей. Заставляют ощутить себя самым ненужным человеком на планете.

Мужчина бегло проводит ладонью по своему лицу, сбрасывая внутреннее напряжение, а затем притягивает меня к себе, заключая в неожиданные объятия.

— Иди сюда, — проговаривает он, отчего мои понурые плечи обдаёт мурашками.

— Я сама виновата. В договоре был прописан пункт, что я не имею права держать в квартире животных… — спешу поделиться, чтобы он знал, что миссис О'Брайен действовала не безосновательно.

Ронан гладит меня по волосам. Плечам и спине тоже. Кажется, его вовсе не волнует, что я осталась без крыши над головой по своей вине, втянув его в вереницу моих проблем.

Он прикасается так бережно и ласково, что мне становится себя ещё сильнее жаль. Внутри разрастается желание прильнуть к нему в поисках успокоения, и я не нахожу в себе сил ему сопротивляться.

— Нет нерешаемых проблем, — сквозь гул в голове до меня доносится его спокойный, размеренный голос.

Рядом с Ронаном чувство защищённости обволакивает меня со всех сторон, в уютный, сотканный из заботы кокон. Запах терпкого парфюма и сильные руки непременно обещают безопасность.

А ещё уносят в совершенно другие размышления.

Я уже не думаю о том, что меня выселили из квартиры. Мысли заняты его присутствием. Осознание того, что сам Ронан Блэквуд здесь, приехал по первому моему звонку, заставляет все внутренности скручиваться от неописуемого трепета.

Но это всё мелочи в сравнении с тем, что происходит с моим и без того работающим на пределе сердцем.

— Собирайся, — Ронан слегка отстраняется и лёгким кивком головы даёт понять: нужно немедленно приступать к выполнению указания.

— Зачем? — по-прежнему находясь в полной прострации, задаю неуместный и весьма глупый вопрос.

— Думаешь, я оставлю тебя здесь одну?

Вскинув заплаканное лицо, заглядываю в мужские глаза, полные решимости к действиям.

— Я не успею собрать все вещи так быстро… — разум отказывается здраво оценивать ситуацию, поэтому я произношу первое, что приходит на ум.

— Бери только самое необходимое. С остальным я решу, — в мужском тоне проскальзывает тень снисхождения к моему поведению и состоянию.

— А Ириска? — сглатываю, осматриваясь по сторонам в её поисках.

Внутри зреет решимость отказаться от помощи, если Ронан не захочет забирать мою рыжую подругу. Я предпочту остаться вместе с ней на улице, чем брошу животное на про-

извол судьбы. Стоит только представить, как кроха будет сидеть одна, голодная, на холодной земле, и внутри всё болезненно сжимается от злости на саму себя и гнетущего чувства вины.

Слишком много потрясений для одного маленького комочка шерсти. Однажды её уже предали, отныне я подобного не допущу.

— И Ириску собирай. Вещей у неё, надеюсь, меньше, чем у тебя? — на этих словах Ронан не скрывает веселья, и я тоже, не сдержавшись, расплываюсь в улыбке.

Конечно, он не потребует выбросить Ириску. Как я вообще могла подумать о нём такое?

И вот тут моя улыбка меркнет, уступая место очередной порции обжигающих слёз. Я не имею права претендовать на помощь Ронана и принимать её. Не хочу и не могу становиться для него обузой и проблемной девушкой, нуждающейся в постоянном спасении.

Я не такая. Не слабая. Не хочу ею быть…

Во мне ведь всегда был стержень и чёткая уверенность в своих силах. Я знала, что могу полагаться на себя одну, за исключением моментов, когда один человек самостоятельно узнавал о моих невзгодах и приходил на помощь.

— Прости, Ронан, но я не могу с тобой поехать, — отступаю на несколько шагов назад, отрицательно мотая головой. — Ты и так слишком многое сделал для меня. Просить помощи с поиском жилья будет высшей степенью наглости с

моей стороны.

Колючий ком поднимается к горлу, перехватывая дыхание.

Внутри всё разрывается надвое. Одна часть меня готова прямо сейчас отправиться с Ронаном Блэквудом хоть на край земли. В любое место, куда он пожелает, настолько сильно я ему доверяю. Но другая, та, которая предпочитает полагаться на разум, а не наивное сердце, ускоряющее бег до запредельной скорости в его присутствии, не может согласиться.

— С моей стороны было неправильно звонить тебе и отрывать от дел по пустякам. Прости, пожалуйста, меня за эту слабость. Обещаю, подобное не повторится, — понятия не имею, как мне удаётся смотреть на него и держаться с идеально ровной осанкой, в то время как душа обливается слезами. — Сейчас я сяду, успокоюсь и придумаю план, как мне поступить дальше. Возможно, утром удастся переубедить миссис О'Брайен, — не представляю, кого из нас двоих пытаюсь в этом убедить.

Ронан смотрит неотрывно. Кажется, он прекрасно понимает причину моих метаний, судя по пристальному прищуру льдисто-голубых глаз.

— Агата, дважды я не повторяю, но для тебя сделаю исключение: сейчас ты идёшь собираться, и мы уезжаем, — чеканит Блэквуд ровным, но весьма убедительным тоном.

— Но ты и так выкупил серию Колума Эвана, — шумно выдыхаю, борясь с прорывающимся наружу отчаянием. —

Она стоит целое состояние!

При упоминании того дня и поступка Ронана я зажмуриваюсь, ощутив жгучую волну неловкости, сметающую меня, как цунами. А стоит распахнуть веки и взглянуть на мужчину, как меня прошибает мучительным осознанием: он тоже вспомнил про наш поцелуй.

— Запиши это в список долгов. Потом рассчитаемся, — лукаво произносит Блэквуд с заметной тенью улыбки на губах.

— Не смешно… Это правда не смешно, Ронан! Я по уши тебе должна, — произношу с надрывом, можно подумать, он в этом виноват.

— Я не сделал ничего, за что ты мне можешь быть должна, — мужчина неожиданно сокращает между нами расстояние, глядя на меня сверху вниз. — Потому что делал это исключительно по собственному желанию.

Вместо связного ответа в противовес из меня вырывается невнятный, нечленораздельный звук беспомощности.

— А теперь иди и собирайся, — произносит он жёстким тоном, не терпящим препирательств и возражений, окончательно давая понять, что дискуссия окончена.

Не в силах сопротивляться той спокойной власти, что исходит от него, я безропотно подчиняюсь. Разворачиваюсь на слабых ногах и удаляюсь в спальню.

Закрыв за собой дверь, я приваливаюсь к ней спиной и с минуту восстанавливаю сбившееся дыхание, приложив мел-

ко дрожащую ладонь к груди. Успокаиваю стучащее на разрыв сердце, а оно норовит вот-вот вырваться наружу.

Я даже не догадалась спросить, куда именно Ронан собирается меня отвезти. Будет ли правильным спросить у него об этом? Может быть, стоит сейчас же вернуться и уточнить?

Или он сочтёт это с моей стороны ещё большей наглостью и невоспитанностью? Неуместным недоверием? Или, что ещё хуже, решит, что я меркантильная и всё продумавшая до мелочей особа, решившая попасть к нему на полное содержание?

Покачав головой, последнее предположение свожу к своему воспалённому организму, выдумывающему невесть что. Глупость редкостная, я совсем не такая, и Ронан об этом знает.

Оттолкнувшись, под аккомпанемент навязчивых, не имеющих ничего общего с реальностью мыслей, достаю из шкафа небольшую дорожную сумку. Раскладываю её на смявшемся пледе на кровати и бездумно бросаю внутрь вещи первой необходимости.

Прежде я бы не позволила себе подобного обращения с одеждой и аккуратно всё сложила внутрь, но не сейчас, когда снаружи меня ждёт Ронан. Времени на долгие сборы нет, но тем не менее я не забываю положить корм вместе с пелёнками для Ириски.

Примерно через пятнадцать минут я застаю Ронана стоящим в моей уже практически бывшей гостиной. В одной ру-

ке мужчина держит тот самый злосчастный договор аренды, а второй что-то резво печатает в телефоне.

Подписывая бумаги, я в жизни не могла предположить, чем это всё обернётся. Но я ни капли не жалею о решении приютить рыжего друга!

Остановившись чуть поодаль от мужчины, прячу взгляд на потёртом паркете, неполностью застеленном ковром.

— Я готова, — произношу сипло, но не пытаюсь прочистить горло.

Дыхание спирает: Ронан подходит ближе и забирает из моих рук сумку. Стоит его пальцам мимолётно коснуться моих, как кожа в этом месте вспыхивает огнём.

Тщательно скрывая смущение и ненормальную реакцию тела на его касание, подхватываю на руки сопротивляющуюся Ириску и следую за нашим спасителем.

У самого выхода на меня снова накатывают болезненные слёзы, а ноги отказываются переступать порог. Эта квартира стала моим первым пристанищем и билетом во взрослую жизнь.

Настоящим домом и личным пространством, полностью обустроенным по собственному вкусу. Здесь мне никто не говорил при каждой малейшей ссоре и недопонимании, что я вольна убираться вон. Что не имею права на голос и должна раз за разом подстраиваться под чужие прихоти и настроение.

Здесь я была собой. Здесь я была безумно счастлива.

Мне не хватит слов, чтобы описать, насколько сильно я прикипела к этой старенькой и не очень большой квартирке, искренне считая её именно *домом*.

А теперь я вынуждена покинуть её вот так, оставив за собой лишь тёплые воспоминания и горький привкус тоски.

Глава 9 Не друзья

Тёплый ветерок окутывает ночной Дублин вместе с полумраком, освещаемым лишь уличными фонарями, отбрасывающими тени на асфальт. Вокруг не слышно ни единого звука, лишь изредка звучат клаксоны автомобилей, доносящиеся с Центральной улицы. Ощущение, что целый город застыл, наблюдая за развернувшейся драмой.

Пока рыжий комочек, уютно устроившись, лежит на моих коленях, а «Audi», разрезая ночь, везёт нас по улочкам столицы, я устало откидываюсь на спинку пассажирского кресла и прикрываю веки.

Ещё утром ничего не предвещало беды, но сегодняшний день, несомненно, станет одним из самых тяжёлых в моей жизни. Весь коллектив узнал про наш с Ронаном поцелуй, меня лишили премии, а вишенкой на торте оказалось выселение.

— За оставшиеся вещи не переживай. Мои ребята этим займутся, — нарушает тишину Ронан, истолковав моё молчание неверно.

— Ронан, я даже не знаю, какими словами выразить тебе всю свою благодарность… — протягиваю, не решаясь взглянуть на него.

Мой взор приковывается к проносящимся мимо пейзажам. Вокруг всё такое родное, но вместе с тем чужое. Я как

будто оказалась в зазеркалье города, в котором мне нет места.

— Не знаю, как бы я справилась в одиночку, — добавляю полушёпотом в надежде, что он и вовсе не услышит горькое признание.

— В одиночку больше не придётся.

Слова Ронана оказывают такой сильный эффект, что я невольно поворачиваю к нему голову.

Не могу сказать, что надеюсь увидеть в этот момент. Просто смотрю на его мужественный профиль, не в состоянии оторваться.

Однако Блэквуд не отвечает взглядом. Всё его внимание сосредоточено на дороге. Более того, кажется, он произнёс эти слова без малейших сомнений. Так же естественно и уверенно, как сказал бы, что после заката обязательно наступает рассвет.

И в его голосе нет ни капли намёка на пустословие. Ронан не успокаивает меня и вовсе не пытается подобрать нужные слова. Он словно озвучивает давно принятое решение.

Спросить, куда мы едем, я так и не решаюсь, но это не требуется, так как примерно через полчаса молчаливого пути автомобиль заезжает на территорию закрытого элитного анклава.

Наблюдаю за редкими усадьбами, мелькающими за окном, и чувствую, как внутри всё сжимается от зарождающейся догадки и острой ностальгии по прошлой жизни.

«Audi» въезжает на территорию, по ощущениям, огромного поместья, останавливаясь на вымощенной камнем подъездной дорожке. Меня бросает в холодный липкий пот от сковывающего каждую мышцу волнения, но, когда Ронан помогает выбраться наружу, я не выдаю истинных эмоций. Правда, не упустив возможности и не изменяя традиции, тут же спотыкаюсь на ровном месте, но мужчина ловко удерживает меня, приобняв за талию.

Запах приближающегося дождя и сладкий аромат белых роз, высаженных у подъездной дорожки, дурманят разум. А возможно, дело в том, что Ронан продолжает прижимать меня к себе, не прерывая зрительного контакта.

Мне безумно хочется оглядеться вокруг, но осмотреть величие поместья Блэквудов в темноте не представляется возможным по нескольким причинам. Во-первых, у меня совсем не то эмоциональное состояние, а во-вторых, страх и стеснение не позволяют шевельнуться.

Правда, неожиданно прозвучавший женский голос возвращает мне контроль над телом и позволяет в мгновение ока отпрянуть от Ронана.

— Мы вас сегодня не ждали, мистер Блэквуд.

— Миссис Бёрк, — Ронан, в отличие от меня, невозмутимо делает короткий кивок в знак приветствия.

Свет, проникающий из приоткрытой двери за спиной незнакомки, золотит её аккуратно собранные каштановые волосы.

— Познакомьтесь с нашей гостьей. Это Агата Мерфи, — представляет Ронан, и меня бросает в краску.

В надежде произвести хорошее первое впечатление я стараюсь выпрямиться, но повторить идеально ровную осанку, как у миссис Бёрк, мне не удаётся.

— Добрый вечер, — произношу настолько тихо, что возникает сомнение, услышала ли управляющая поместьем. Что это именно она, догадаться не составляет труда.

Моя мама всю свою жизнь посвятила этой должности у О'Коннеллов, поэтому я с лёгкостью определяю подобный тип людей.

— Добро пожаловать, мисс Мерфи, — безупречная вежливость сквозит во взрослом тоне, однако управляющая не теряет возможности пройтись по мне, а особенно задержаться внимательным взглядом на Ириске у меня на руках.

Миссис Бёрк жестом приглашает нас пройти следом за ней в особняк. Конечно же, Ронан галантно пропускает меня войти первой, а я дарю ему в ответ благодарную улыбку.

— Гостья желает остаться на ночь? — едва мы переступаем порог, как я вздрагиваю от голоса, эхом разнёсшегося по просторному холлу, освещённому лишь настенными бра.

Вздрагиваю я скорее не от неожиданности, а от своего взвинченного состояния. Но стоит моему спутнику и спасителю в одном лице оказаться рядом, как тревожность постепенно отпускает.

— Да, — незамедлительно отвечает Ронан, жестом ука-

зывая мне не останавливаться, а продолжать движение. — Грейс, подготовьте комнату в восточном крыле.

Мужская ладонь ложится на мою поясницу, мягко подталкивая идти вперёд.

Минуя холл, мы направляемся в восточную часть особняка. Ронан двигается на несколько шагов впереди, а я послушно следую за ним по пятам.

По коже то и дело проносится россыпь мелких мурашек. Тёмное дерево и погружённые в полумрак залы вызывают внутри странное волнение и трепет перед величием этого места. Возможно, мой уставший организм играет злую шутку, а возможно, дело в том, что я люблю яркие цвета, но здесь их нет.

— Экскурсию проведу завтра, — обещает мистер Блэквуд, а я сглатываю, испугавшись: не кручу ли головой во все стороны, разинув рот?

— Это не обязательно, — мямлю, ощущая, как горят мочки ушей. — У тебя и без моих проблем много дел.

— Агата, давай сразу кое-что проясним, — Ронан останавливается, и я, следуя его примеру, притормаживаю рядом.

Мужчина впивается в меня внимательным и одновременно требовательным взглядом.

— Я привык самостоятельно решать, на что мне тратить время, а на что нет.

— Я просто… — сглатываю, сразу же стыдливо отводя

взгляд куда-то в сторону.

Мужские пальцы мягко, но в то же время требовательно обхватывают мой подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Особенно если дело касается тебя, — добавляет гораздо мягче.

— Не хочу быть для тебя обузой.

— Не будешь, — словно вкладывает в мою голову эту истину. — Идём, у твоей подруги был трудный день.

Лёгкая тень усмешки проскальзывает на лице Ронана при взгляде на Ириску. Малышка сладко спит на моих руках, прижавшись к груди. Вот уж кого не заботят проблемы, так эту пушистую госпожу.

Улыбнувшись, глажу её мягкую шёрстку, и мы продолжаем путь к гостевой спальне. Ронан ведёт нас на второй этаж. Он идеально ориентируется в пространстве, а вот я, боюсь, давно бы заблудилась во множестве коридоров.

По пути встречаются портреты, я так полагаю, предков Блэквудов. Задерживаться и детально разглядывать каждый холст мне не позволяет воспитание, но подметить мастерство художника я успеваю.

К моменту, когда мы оказываемся у резной двери, она распахивается, и из комнаты спешно выходят две молодые девушки в униформе горничных.

— Мистер Блэквуд, — тут же кивают они в унисон. — Мисс.

От короткого столкновения с ними внутри меня что-то

болезненно отзывается из прошлого. Я всегда была по ту сторону жизни большого поместья. Нет, я не работала у О'Коннеллов, но проводила в их доме достаточно времени и понимаю негласные правила для персонала. Девушек явно подняли среди ночи и отправили спешно готовить комнату для внезапной гостьи. Судя по слегка растрёпанным волосам одной из горничных и сбившемуся дыханию второй, они торопились закончить всё до нашего прихода, но не успели буквально на несколько минут.

А ещё они наверняка пытаются понять, кем именно я прихожусь Ронану Блэквуду. Представляю, какой мозговой штурм устроят, собравшись где-нибудь на кухне. Порой я тоже в подобных участвовала. И с уверенностью могу сказать, что будни персонала не менее насыщенные и интересные, чем у хозяев поместья.

Под тёплые размышления и минутную слабость по прошлому я не замечаю, как прохожу в спальню. Внутри оказывается гораздо больше света. Нет давящего полумрака, как в остальной части особняка, и это очень сильно радует.

Тёплый свет мягко ложится на стены цвета слоновой кости и дерево мебели. А огромная кровать, застеленная светлым покрывалом, так и манит поскорее упасть на неё, но я держусь изо всех сил.

— Здесь очень красиво, — оборачиваюсь на стоящего в проёме Ронана, неотрывно наблюдающего за мной. — Но я могла бы остановиться в комнате попроще. Мне неловко за-

нимать такую красивую спальню.

— Если тебе не нравится, ты можешь выбрать любую другую. Блэквуды всегда рады гостям.

Мужчина слегка наклоняет голову набок, похоже анализируя меня и моё состояние, а затем перешагивает порог.

— Ну что ты, я совсем не то имела в виду. Мне нравится, очень! — делюсь пылко, желая поскорее опровергнуть неверные домыслы.

Ириска на моих руках активизируется, поэтому я отпускаю рыжика на пол, наблюдая, как она несколько мгновений крутится около ног и резво бросается к Ронану.

— Ты ей нравишься, — с любовью наблюдаю, как рыжик трётся о мужскую штанину, виляя хвостиком.

— Напоминает Лилит, — тёплая улыбка Ронана, посвящённая кошке, заставляет моё сердце ёкнуть, а стоит ему наклониться и поднять Ириску на руки, как я и вовсе оказываюсь обескуражена. — Такая же наглая и непоседливая.

Не сумев сдержать смех, прикрываю рот ладонью. Я не говорила об этом вслух, но именно Лилит Ириска мне и напоминает. Не только рыжим окрасом, но и активной непосредственностью.

Не думала, что и Ронан это заметит!

— Давай не будем Лил об этом говорить? — прошу, со смехом качая головой. — Иначе она нас испепелит своим мнением на этот счёт.

Ириска наслаждается мужским вниманием, мурча на всю

спальню. Поглаживая рыжика за холку, Ронан приближается ко мне, опуская кошку на кровать. Мы прослеживаем взглядом, как та не теряется, тут же начиная играть с рюшами на покрывале, и переключаем внимание друг на друга.

— Согласен, — кивает он. — С твоей подругой лучше не связываться.

Удивительно, как непредсказуема наша жизнь. Лилит должна была стать женой Ронана, но Киллиан сорвал их свадьбу. Интересно, как сложились бы наши, а в частности моя, судьбы, не вмешайся тогда Киллиан?

Странный укол ревности парализует все нервные окончания. Так не должно быть, но в эту самую минуту я злюсь на саму себя за то, что зачем-то представляю Ронана рядом с Лил.

— Сегодня был ужасный день. А особенно вечер, — признаюсь, теряя улыбку не только из-за текущих событий, но и из-за неуместных мыслей. — Но благодаря тебе я не оказалась на улице, а это значит, что не всё так плохо.

— Ты всегда можешь на меня положиться.

— Не знаю, чем я заслужила такого друга, как ты.

На слове «друг» мне мерещится мрачная тень на мужском лице, отчего внутренности холодеют.

Ох, ну почему я использовала именно эту формулировку?

— Прости. Про друга я сказала не подумав… — осекаюсь, облизнув вмиг пересохшие губы.

— Мы никогда не будем друзьями, Агата, — мужской го-

лос понижается до странного хрипа, после чего я не успеваю опомниться, как оказываюсь прижата к крепкой мужской груди.

Дрожащая от волнения и одновременно предвкушения, моя ладонь находит мужское лицо, ложась на щёку, покрытую щетиной. Прикосновение к его коже отдаёт внутри разрядом тока, как дефибриллятор. Оживляет и одновременно вводит в странное состояние, которому я не могу найти ответа.

— Прости, что тогда сбежала, — шепчу, очень невовремя вспомнив поцелуй в галерее.

Сильнее всего я боюсь заглянуть в его небесно-голубые глаза, потому что знаю: тут же потону в них, как корабль в шторм.

— Я так сильно испугалась. Просто… Просто… Я не понимаю, почему ты… Почему меня…

Сформулировать предложение не получается. Как объяснить ему весь тот ураган и шквал эмоций, что творится внутри? Однако вихрь мыслей в моей голове не сбивает самого главного: необузданного желания почувствовать вкус его губ.

Я жду, что Ронан поцелует меня. Как и тогда. Нежно и чувственно. Сладко и обескураживающе.

Так, чтобы коленки подгибались!

Кажется, Ронан читает меня как раскрытую книгу, ибо, когда он наклоняется, я тут же закрываю глаза в предвкуше-

нии и странной опьяняющей эйфории.

В своих фантазиях я уже поддаюсь его чарам, но вместо желаемого ощущаю его губы совсем не там, где мне хотелось бы их обнаружить.

Ронан практически невесомо целует меня в лоб и… отпускает.

Я больше не чувствую обжигающих ладоней на своей талии. Обескураженная подобным поворотом событий, распахиваю удивлённые глаза и впиваюсь в него взглядом, не скрывающим проскользнувшего огорчения.

— Спокойной ночи, Агата, — отступает он.

Ронан покидает спальню, никак не комментируя моё признание и произошедшее, а я так и продолжаю стоять, глядя ему вслед.

Глава 10 Сценарий

17 июня (ДЕКЛАН — МОЙ ГЕРОЙ И СПАСИТЕЛЬ!!!)

Привет, дневничок!

Честное слово, я сегодня чуть не умерла от стыда.

Я так сильно ждала приезда Лилит из Америки, что места себе не находила. Носилась по холлу как сумасшедшая и… я разбила вазу. В дребезги…

Мама орала так, что у меня уши заложило. Она схватила меня за локоть и трясла, обзывала безалаберной. Это было так больно и ужасно обидно, а ещё унизительно, потому что на нас смотрела Мелания. Хоть она уже не целуется с Декланом, я всё равно на неё обижена и не хотела бы, чтобы она знала, как мама меня ругает!

Мама кричала, что эта ваза стоит целое состояние и теперь ей придётся много месяцев выплачивать за неё из зарплаты. Будто какая-то стекляшка важнее меня!

Я так горько плакала, пока не пришёл ***ДЕКЛАН****!*

Дневничок, он появился из ниоткуда! И сказал маме, чтобы она не смела повышать на меня голос и вообще убрала руки. Мама начала спорить, но Деклан вырвал мою руку из её пальцев. Он сказал: «Миссис Мерфи, если вы не успокоитесь, я её заберу». И он правда МЕНЯ ЗАБРАЛ!

ВЗЯЛ ЗА РУКУ И ПОВЁЛ!!!

Я ревела так, что всё расплывалось перед глазами. Мне

уже было всё равно из-за вазы. Я плакала потому, что Деклан видел, как мама меня ругает. Мне уже двенадцать! Я не маленькая!

Когда Деклан помог мне сесть и вытер слёзы, я поняла, что мы в его части особняка. Мама не разрешает туда заходить.

ДНЕВНИЧОК, ТАМ ТААК КРУТО!

Повсюду диски, приставки, куча игр. Деклан сказал, что давно этим не пользуется, и разрешил приходить и играть самой. Но я не буду этого делать. Не нужны мне никакие диски и приставки без него самого.

Мы играли в стрелялки, представляешь?! Он не смотрел на меня как на мелкую плаксу, он учил меня комбинациям на джойстике и хвалил. Правда, Декс всё равно трепал меня по волосам, как свою собаку Матильду, но мне даже понравилось.

Никто раньше меня так не защищал от мамы. Точнее, никто не смел этого делать.

Деклан мой рыцарь. Я никогда его не разлюблю.»

***

Звонкое щебетание птичек за окном мягко выводит меня из тревожного сна в реальность.

Распахнув глаза, я несколько секунд смотрю перед собой на залитое утренним светом окно, но чужая обстановка во-

круг вынуждает резко сесть на постели. Приложив ладонь к колотящемуся, как раненая птица в клетке, сердцу, в панике осматриваюсь по сторонам, но затем воспоминания о вчерашнем дне постепенно возвращаются, и я шумно выдыхаю.

Я в поместье Блэквудов. Ронан Блэквуд забрал меня к себе.

Нет, не так.

Боже мой… Ронан Блэквуд забрал меня к себе!

Смущение вперемешку с шоком пускает по телу мурашки, стоит вспомнить, что я позвонила ему посреди ночи и плакала в трубку.

Какой кошмар. Какой позор!..

Откинувшись обратно на подушки, плотно зажмуриваюсь и мотаю головой. На душе творится настоящий водоворот из чувств и эмоций, перехватывающих дыхание. Моё прошлое и настоящее слишком тесно переплелись и медленно начинают сводить меня с ума.

Я не знаю, как это работает, но сегодняшней ночью мне беспрерывно снилась та двенадцатилетняя Агата, которой я когда-то была. Словно со стороны я наблюдала за тем, как впервые в жизни кто-то за неё заступился и защитил от мамы. Ровно так же, как вчера это сделал Ронан. Только он спас меня уже не от маминого гнева, а от перспективы оказаться на улице.

Либо я действительно схожу с ума, и мой мозг отчаянно ищет зацепки и сравнения, либо судьба жестоко насмехается

надо мной, заставляя снова проживать один и тот же сценарий спустя столько лет.

Со стоном раскидываю руки по сторонам, и именно в этот миг мозг подаёт тревожный сигнал: а где Ириска?

Меня моментально обдаёт неистовым жаром снаружи, в то время как все внутренности холодеют. Быстро сбросив с себя одеяло, прытко поднимаюсь и спешно осматриваюсь вокруг.

— Ириска? — зову с нескрываемыми нотками паники в голосе, но в ответ тишина. — Малышка, ты где?

В поисках кошки я с перепугу обхожу всю комнату, заглядываю за шторы, под кровать и даже приоткрываю дверь в прилегающую ванную комнату, но её нигде нет.

— Так. Мы в поместье Блэквудов. Ночью Ириска засыпала со мной, значит, скорее всего, она сбежала под утро, — грудь тяжело вздымается из-за охватывающей меня растерянности. — Но как? И куда? Что, если её выгнал кто-то из горничных?

Размышляя вслух, я прикладываю вспотевшую от волнения ладонь ко лбу, продолжая метаться взглядом по помещению. Первым порывом возникает мысль немедленно выскочить в коридор и начать поиски по всему особняку, но взгляд цепляется за собственное отражение в зеркале над туалетным столиком.

Господи… Взлохмаченные волосы торчат во все стороны, лицо опухло от вчерашних слёз и непродолжительного сна,

а пижама с принтом клубники окончательно дополняет картину не в лучшую сторону.

Нет. В таком виде появляться перед людьми нельзя. Что подумает обо мне персонал? Миссис Бёрк? А Ронан?

Но вселенная наверняка смеётся надо мной. В эту же секунду, как я принимаю решение для начала привести себя в порядок, раздаётся стук.

Самые худшие мысли из всех возможных лезут в голову. Не задумываясь, я бросаюсь к двери и распахиваю её раньше, чем успеваю вспомнить об элементарных правилах приличия или хотя бы пригладить волосы.

— Мисс Мерфи, — на пороге стоит девушка в строгой униформе, с нескрываемой растерянностью в глазах от моего вида и, похоже, поведения. — Миссис Бёрк просила передать, что завтрак будет подан на южной террасе.

— Простите, а вы не видели кошку? Рыжую такую. Она вчера была со мной, — выпаливаю на одном дыхании, не заостряя внимания на информации о завтраке.

— С ней всё в порядке, — слегка улыбнувшись, горничная словно угадывает причину моей растерянности. — Миссис Бёрк распорядилась накормить её на кухне.

— Ох… спасибо большое!

— Она скреблась утром в дверь, и мы её выпустили, — предугадывая следующий вопрос, поясняет девушка.

Мой взгляд лихорадочно ползёт вниз в надежде, что своими острыми коготками Ириска не испортила чужое имуще-

ство. Шумный выдох вырывается наружу вместе с ударной волной облегчения. Дверь не испорчена, а сама кошка накормлена и в полной безопасности.

Ещё раз поблагодарив горничную, я возвращаюсь в спальню, ощущая небывалую радость. Я так крепко спала, что не слышала бунта маленькой засранки. Оно и неудивительно. Уход Ронана ещё долго не давал мне прийти в себя, и заснула я лишь глубоко за полночь.

Вспомнив о том, что ночью я была не в состоянии ответить на звонок Лилит, нахожу телефон на постели и быстро печатаю подруге сообщение с извинением и вопросом, как она себя чувствует. И с чистой совестью бегу в ванную комнату, так как уже десять часов утра, а мне нужно узнать, каким образом добраться из этой местности в Дублин и не опоздать на работу. Времени есть с запасом, но я человек тревожный и предпочитаю заранее думать о подобных вещах.

Закончив с банными процедурами, замотанная в полотенце, возвращаюсь в спальню и замираю на пороге, восторженно оглядываясь вокруг. При свете дня она выглядит совсем иначе! Тёплый солнечный свет скользит по светлым стенам, подчёркивая резные элементы мебели и тяжёлые кремовые портьеры. Ощущение, что я нахожусь в комнате настоящей принцессы.

Я боюсь лишний раз к чему-либо прикоснуться, чтобы не испортить винтажную мебель. Поэтому очень бережно рас-

пахиваю огромный шкаф и достаю развешанную с вечера сменную одежду. К счастью, ничего не помялось, и мне не придётся ехать на работу в неподобающем виде.

Аккуратно разложив принадлежности на туалетном столике, провожу по нему рукой. Я всегда о таком мечтала, особенно в подростковом возрасте. Представляла, как буду сидеть на мягком пуфе и наносить на лицо кремы перед сном.

Наслаждаясь моментом, делаю себе неброский макияж. А если быть точнее, стандартный для выставки, с акцентом на глаза. Я не очень люблю краситься, но работа обязывает. А вот волосы собираю в аналогичную вчерашней причёске.

Полностью собравшись, придирчиво оглядываю себя в зеркало, покрутившись со всех сторон.

Стоит сжать ручку сумочки покрепче и покинуть спальню, как мандраж ожидаемо охватывает меня от макушки до самых кончиков пальцев ног.

Как пройдёт завтрак? Стоит делать вид, что ничего не произошло?

Ронан заметил, что я ждала поцелуя, и не подал вида? Или не придал тому значения?

Дорогу до южной террасы я держу интуитивно, опираясь на детство, проведённое у О'Коннеллов. В больших поместьях комнаты для гостей обычно располагаются подальше от хозяйского крыла, а террасы и столовые почти всегда находятся на первом этаже, ближе к саду и солнечной стороне имения.

Спускаясь по тёмной лестнице, такой же величественной, как и всё в этом поместье, я чувствую, как сердце ускоряет бег с каждой пройдённой ступенькой. Волнение берёт бразды правления, заставляя думать о неуместности моего пребывания здесь.

Миновав просторный холл, я несколько минут блуждаю, пока не останавливаюсь около больших двухстворчатых стеклянных дверей. Светлый тюль раздувает ветром из раскрытых створок, слегка приоткрывая террасу.

Залюбовавшись видом, я улетаю в свой мир грёз и волшебства. Да, именно волшебства, так как открывающийся вид ощущается чем-то нереальным.

— Мисс Мерфи. Доброе утро, — звучит за спиной, и я едва ли не вздрагиваю, оборачиваясь.

— Прошу прощения, я немного заблудилась, — спешу оправдаться перед миссис Бёрк. — Доброе утро, — добавляю более ровным тоном, не заметив на лице женщины недовольства.

Управляющая выглядит, как и вчера, совершенно невозмутимо.

— Вы пришли точно туда, куда нужно. Прошу вас, — приглашает она выйти наружу, что я, собственно, и делаю.

Как и предполагалось, южная терраса выходит в сад. Утренние лучи золотят аккуратно подстриженные живые изгороди и каменные дорожки. Вдалеке журчит фонтан, а воздух пахнет свежескошенной травой и цветами.

Я даже ловлю себя на том, что глубоко вдыхаю и стараюсь подольше задержать в лёгких этот свежий и чудный аромат!

Расслабленное «мяу» доносится откуда-то снизу, и я замечаю Ириску, уютно устроившуюся в плетёной корзинке с мягким настилом. Кошка не спешит бросаться в объятия, неспешно вылизывая свою крошечную лапку.

— Ах ты ж маленькая рыжая предательница, — опускаюсь рядом, ткнув пальчиком в сладкий мокрый носик.

Стоящая рядом с лежанкой миска с кристально чистой водой подсказывает, что кое-кого разморило на свежем воздухе.

— Мистер Блэквуд скоро присоединится, — от строгого голоса миссис Бёрк я быстро выпрямляюсь, улавливая тактичный намёк приступить к завтраку.

От упоминания Ронана желудок тут же предательски сжимается, но вовсе не от голода. Перед неизбежной встречей.

Ох, боюсь, я сгорю как феникс дотла от вселенской неловкости рядом с ним.

Кивнув управляющей, я останавливаюсь перед длинным, щедро накрытым столом, застеленным белой скатертью и уставленным всевозможными джемами, выпечкой и фруктовыми нарезками.

С какой стороны садятся гости? Есть ли вообще какие-то правила у Блэквудов на этот счёт? В доме О'Коннеллов за подобную оплошность мама потом припоминала бы мне её неделями.

Спасением для меня становится всё та же управляющая поместьем.

— Вы можете присесть сюда, мисс Мерфи, — женщина отодвигает для меня стул по правую сторону. — И укройтесь пледом. Погода обманчива.

— Спасибо, — густо краснею.

Миссис Бёрк удаляется, а я, следуя её примеру, накидываю на плечи плотный кремовый плед. Я дочь прислуги, но в этом месте ко мне относятся как к госпоже, и от этого слегка неуютно.

Наблюдая за брызгами воды из раскинувшегося фонтана, я не могу совладать с собственным сердцем. Оно без конца стучит, а всему виной слова о скором прибытии Ронана.

Как мне себя вести с ним? Тем более после слов о том, что нам не быть друзьями? Так оно и есть, ведь я ему не ровня, и обстановка вокруг тому прямое подтверждение.

— Наслаждаешься видом? — неожиданно прозвучавший мужской голос запускает по моим венам адреналин, вынуждая вскинуть голову.

Ронан стоит у входа на террасу. Как и всегда, он выглядит безупречно, в строгом костюме свободного кроя, а я подмечаю, что ему идёт серый цвет.

— Теперь да, — губы непроизвольно растягиваются в рассеянной улыбке. Как долго он наблюдает за мной?

Не знаю, вспомнил ли Ронан наш диалог в галерее, но я точно да.

— Ребята уже занимаются твоими вещами, — сообщает он, хотя я не успела спросить.

— Хорошо… — киваю, ощущая, как внутри разливается щемящая тоска.

Будь я сейчас одна, то непременно бы расплакалась. Но при нём, конечно же, не стану этого делать. Отныне не хочу позориться и казаться слабачкой.

— Я постараюсь как можно быстрее найти новую квартиру и перевезти всё туда.

— В этом нет необходимости, — Ронан проходит за стол и непринуждённо садится во главе, совсем рядом со мной.

Аромат мужского парфюма, такой приятный и знакомый, будоражит рецепторы, заставляя инстинктивно поправить складку на моей строгой классической юбке, едва доходящей до колен.

— Поиском нового жилья займутся мои риелторы, а до тех пор ты поживёшь здесь.

— Но…

— Никаких «но», Агата, — пресекает Блэквуд, откидываясь на спинку плетёного кресла. — Ты останешься в поместье.

— Нет… я о другом, — понижаю голос, морально настраиваясь сообщить о причинах.

Рука непроизвольно тянется к стакану с прохладным яблочным соком, и я делаю глоток, подавляя эмоциональность и полыхающие щёки.

— Мне бы хотелось самостоятельно выбрать квартиру, отталкиваясь от финансовых возможностей.

За столом повисает молчание. Примерно с минуту Ронан без капли стеснения пристально смотрит в моё лицо, анализируя. А затем и вовсе лишает дара речи.

Достав из внутреннего кармана пиджака плотный конверт, мужчина кладёт его на стол, практически перед моим лицом.

— Миссис О'Брайен просила передать.

— Что это? — замираю, не решаясь проверить лично.

Что хозяйка квартиры могла передать мне? Любопытство вместе со слабой догадкой пускает зёрнышко надежды в голове, и я дрожащими пальцами слегка приоткрываю конверт. Внутри оказываются идеально ровные купюры.

— Это залог? — поднимаю на мужчину удивлённый взгляд, едва дыша.

Ронан делает короткий кивок в знак подтверждения.

— Но как? Миссис О'Брайен вчера сказала, что удержит его, — растерянно моргаю, переводя взгляд с денег на Ронана.

— Передумала, — звучит невозмутимое.

— Ты разговаривал с ней?

Я должна радоваться тому, что получила деньги, но почему-то не могу. Вместо этого меня волнует тот факт, что Ронан решает мои проблемы быстрее, чем я успеваю о них сообщить ему.

— Разве это имеет значение? — в пространстве раздаётся вибрация телефона, но не моего. Собеседник бросает короткий взгляд на лежащий смартфон и сбрасывает входящий звонок, правда, я успеваю заметить высветившееся имя на экране: *Ванесса*.

Его секретарь? Или?..

Меня словно под дых ударяют при мысли о том, что у Ронана есть девушка.

— Меня пугает перспектива, что я привыкну к твоей заботе, а потом снова останусь одна.

Естественно, я не планировала этого говорить. Оно неожиданно вырвалось из самой глубины души.

— Прости, я совсем не то имела в виду, — добавляю приглушённо, закапывая себя ещё глубже.

Я отворачиваюсь в поисках сумки, желая исчезнуть из этого места и желательно города как можно скорее.

— Тогда поясни, — звучит требовательно, отчего мурашки осыпают каждый миллиметр кожи.

Мне хочется сказать ему: случится повторение вчерашнего сценария, ты развернёшься и уйдёшь, оставив меня одну с полным раздраем на душе.

Да, во мне горит лёгкая обида за ночное происшествие. И как бы сильно я ни подавляла её, она прорывается наружу вот в таких наивных и глупых речах. А усугубляет ситуацию звонок от некой Ванессы.

Но вместо неуместных и наивных объяснений я сбрасы-

ваю с плеч плед и порываюсь встать, произнеся:

— Мне нужно в галерею.

Я стараюсь не смотреть на Ронана, однако каждой клеточкой ощущаю, как он прожигает меня своими невероятными глазами.

— Сядь.

Вот так легко и просто он заставляет меня опуститься обратно в кресло.

— Я задал вопрос.

— Я боюсь опоздать на работу, — сглатываю, продолжая смотреть куда угодно, но только не на него.

— Я отвезу тебя. А теперь отвечай: что ты имела в виду?

Шумно выдохнув, я борюсь с подступающими слезами. Но какой от этого толк, если внутри меня уже всю ломает от нарастающего отчаяния?

Я могу сдержать слёзы. Без проблем буду выглядеть спокойно и непринуждённо. Но сберечь снова открывшиеся раны на моей наспех залатанной душе я не в состоянии.

С неё словно по одному срывают все швы, заставляя кровоточить. Дают понять, что всё может закончиться ровно так же, как и тогда.

Я снова останусь одна. Никому не нужная, одинокая, разбитая.

— Ты появился в моей жизни слишком неожиданно. И теперь я не понимаю, как буду жить дальше, если однажды тебя в ней не окажется.

Глава 11 Краски

Не сосчитать, в который раз я прохожу мимо бюста Микеланджело, тщательно смахивая с него пылинки. Их на самом деле нет, но мне так легче справиться с подступающей истерикой.

Прошло несколько часов с тех пор, как Ронан привёз меня в галерею, но я так и не могу успокоиться. В груди клокочет негодование на саму себя.

«Меня пугает перспектива, что я привыкну к твоей заботе, а потом снова останусь одна».

Глупая! Глупая я!

Тихо простонав, вскидываю голову к расписному потолку и шумно выдыхаю, не забыв при этом топнуть ногой.

Зачем я ему это сказала?

Просто стоило мне увидеть женское имя на экране телефона Ронана и вспомнить, как он оставил меня в спальне и ушёл, как внутри что-то ощутимо треснуло. Я прекрасно осознаю, что не имею никакого права на ревность или верность от Ронана, но в груди всё равно кольнуло.

Мы не в отношениях, он всего-навсего заботится обо мне и имеет полное право на личную жизнь.

«Ты появился в моей жизни слишком неожиданно. И теперь я не понимаю, как буду жить дальше, если однажды тебя в ней не окажется».

Желание хорошенько стукнуть себя по голове невероятно сильно зудит в ладонях, но вместо этого я разворачиваюсь на пятках и возвращаюсь к серии Колума Эвана.

Совсем скоро, по завершении выставки, «Кельтские ведьмы» отправятся в поместье Блэквудов, но меня там к этому времени уже не будет.

Сегодня же займусь поисками квартиры, несмотря на слова Ронана. Мне нужно как можно скорее вернуть себе самостоятельность и разорвать появившуюся зависимость от другого человека.

— Ты скоро в них дыру прожжёшь, — насмешливый тон Патрика возвращает меня на землю.

Повернув голову к стоящему в проходе мужчине, поджимаю губы и возвращаюсь к Микеланджело.

— И бедолагу тоже оставь в покое. У него уже макушка блестит от твоих натираний, — мгновенно добавляет коллега.

— И что мне делать? — в отчаянии вскидываю руки вверх и тут же роняю их по швам.

Мой вопрос скорее риторический и никак не относится к работе. Думаю, Патрику это прекрасно известно.

— Сесть и расслабиться, — без раздумий советует он.

— Не могу, Патрик! Боюсь, что моя голова готова взорваться в любую секунду от изобилия мыслей в ней! — горячо выпаливаю, бросив на мужчину взгляд, полный отчаяния.

В это самое мгновение я чувствую острую необходимость

излить душу. Поделиться тягостными переживаниями и получить совет. И, самое главное, мне нужен для этого дела честный человек. Тот, кто всегда говорит правду, не боясь обидеть собеседника.

— Нет-нет, — словно просчитав ход моих мыслей, коллега делает твёрдый шаг назад.

— Я ночевала у Ронана Блэквуда, — выразительно смотрю на него, понижая тон до шёпота так, чтобы услышал Патрик, но не остальная часть коллектива.

— Даже не думай, Мерфи, — продолжает отступать мужчина, а я, наоборот, надвигаюсь на него.

— Меня выгнали из квартиры из-за Ириски. Это кошка, которую я подобрала с улицы. Я не знала, что делать, и в слезах позвонила мистеру Блэквуду. А он приехал и забрал меня к себе! — спешу поделиться, но боюсь, Патрик вряд ли что-то поймёт из моей безумно эмоциональной речи.

— Не продолжай, — Патрик отрицательно мотает головой, но я и не думаю останавливаться.

— Между нами ничего не было, не подумайте. Он оставил меня одну в спальне и ушёл.

— Агата, прекращай, — дружище разворачивается и двигается в сторону подсобки, но я спешу за ним следом.

— А знаете, что я ему сказала утром?

— Нет и знать не хочу.

— Я сказала: «Ты появился в моей жизни слишком неожиданно. И теперь я не понимаю, что буду делать, если

однажды тебя в ней не окажется», — жеманно передразниваю. — Можете себе такое представить?

Патрик в это время практически подбегает к двери в надежде от меня избавиться, но я ловлю ручку на лету и не позволяю ему запереться в подсобке.

— Знаете, что было дальше?

— Ты не отстанешь? — вздыхает он, наконец сдавая позиции.

— Никак нет, сэр, — цокаю в подтверждение намерений, подгоняемая неукротимым желанием исповедаться.

— Хорошо. У тебя две минуты.

— Так вот, знаете, что было дальше?

— Нет, но я надеюсь, что ты соберёшься, чётко изложишь речь и оставишь старика в покое.

— Патрик, вы не старик! — искренне возмущаюсь, приложив ладонь к груди. — Вы мужчина в самом расцвете сил!

— Мерфи, ближе к делу, — коллега крутит в воздухе указательным пальцем, как бы намекая ускориться, а я набираю воздух в лёгкие и принимаюсь тараторить.

— Он сказал мне, что уже говорил это и повторит снова: больше я не одна!

— Кто он? — лениво переспрашивает, не испытывая ни капли интереса, Патрик, проходя вглубь подсобки и склоняясь около стеллажа со всевозможными инструментами.

— Ну как кто? Ронан Блэквуд! Я же про него вам и рассказываю! — продолжаю лепетать на эмоциях, прислоняясь

спиной к косяку.

— Потом?

— Потом он велел мне поесть. Считает, что я плохо питаюсь и выгляжу совсем бледной, — делюсь шёпотом, можно подумать, это засекреченная информация ирландского правительства.

— А ты что? — всё в той же безэмоциональной манере подталкивает Патрик продолжать, приподнимая вверх что-то похожее на отвёртку.

— Мне кусок в горло не лез! Ну вы и сами догадываетесь почему, после того, что я ему наговорила. Он смотрел так… проницательно. Патрик, у меня иногда такое чувство, что Ронан читает мои мысли!

— А он читает?

— Что за глупости? Конечно нет. Никто не умеет читать чужие мысли, — морщусь, не улавливая, какое это имеет отношение к моей проблеме. Коллега задаёт совершенно не те вопросы. — Просто Ронан Блэквуд очень умный и эрудированный мужчина. Он заранее решает мои проблемы, едва я успеваю о них подумать.

— Какие, например? — протягивает задумчиво, открывая кейс с дрелью.

— Ну он, точнее, его люди собирают мои вещи в квартире. А ещё Ронан сказал, что его риелторы найдут мне другое жильё, а до тех пор я буду жить в поместье Блэквудов. Но я решила, что не стану ждать и приступлю к поискам само-

стоятельно.

— У него есть поместье?

— Конечно есть, он же Блэквуд, — округляю глаза, как будто Патрик обязан знать, кто такие Блэквуды.

Хотя, учитывая, какое влияние они имеют в Дублине и в целом в Ирландии, наверное, должен.

— Это всё? — мужчина оборачивается, всем видом давая понять, что время вышло.

— Я же самое главное вам не рассказала. После моей нелепости во время завтрака Ронан привёз меня в галерею, — вздыхаю, понуро опустив плечи. — Я обожаю поездки с ним, но сегодня ощущала себя глупо и неловко.

— Почему? — собеседник вскидывает густую бровь.

— Что почему? Почему ощущала себя глупо? — уточняю, на что мужчина молча делает короткий кивок. — Потому что ляпнула ему ту глупость, что боюсь остаться одна.

— Почему ты считаешь это глупостью? — впервые искренне интересуется он, действительно желая узнать ответ.

— Разве нет?

— Агата, — Патрик делает глубокий вдох и устало проводит ладонью по лицу, прежде чем заговорить. — Ты хорошая девушка. Всегда идёшь навстречу другим, помогаешь и находишь оправдание тем, кто этого не заслуживает. Почему именно к себе ты так категорична?

— Я не категорична… — растерянно моргаю.

— Категорична. Порой чересчур. Расслабься и перестань

грызть себя по каждой мелочи.

— Я правда со стороны выгляжу такой? — и без того плохое настроение грозит скатиться ещё ниже.

— Дети, выросшие со строгой матерью, зачастую лишены детства и вынуждены требовать от себя невозможного, — с видом знатока выдаёт он.

Прежде я не слышала от него подобных слов и тем более анализа людей. Обычно Патрик не церемонится в выражениях, давая короткие и ёмкие, по большей части оскорбительные характеристики.

— Откуда вы?.. — тут уже я замираю, уловив самое главное: про строгую мать.

— По тебе невооружённым глазом видно. А я в молодости хотел стать психологом.

— Ничего себе… Из вас бы получился замечательный специалист, — улыбаюсь, не скрывая грусти.

— Мать не дала, — подмигивает в ответ, намекая, что мы с ним из одного теста. — Считала, что инженеры хорошо зарабатывают. Но инженера из меня не вышло.

— Вы могли бы получить образование сейчас. Никогда не поздно это сделать, — меня вдруг одолевает несусветная тоска по тому молодому Патрику, которому обрезали крылья.

— С Блэквудом что решила делать? — проигнорировав мою последнюю реплику, мужчина складывает руки на груди.

— А что я могу с ним делать? Я ему не ровня, а друзьями мы не будем. Это, кстати, его слова.

— Про неровню?

— Нет! Конечно нет! — спешу оправдаться, осознав, что выразилась неудачно. — Про друзей. А то, что мы не ровня, мне и без того известно. Где он, а где я, Патрик? Ронан наследник Блэквудов, а я всего лишь арт-консультант.

— С какой стати должность и финансовое положение определяют человека?

— Это не отменяет того факта, что мы из разных социальных слоёв общества, — потупляю взор, ощутив горечь во рту.

— Накручивать себя ты мастерица, — Патрик впервые за наш диалог искренне улыбается. — Твой Блэквуд даже пальцем бы не пошевелил, если бы мыслил так же, как и ты.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что, похоже, не ты одна в него влюбилась.

— Я не влюбилась! — шикаю громче положенного, но осекаюсь, прикрывая рот ладошкой.

— Ну-ну, — тянет он, подозрительно оглядев меня с головы до ног. — Всё, иди давай работать. Не влюбилась она.

— Патрик!.. — всё, что я могу ответить, ощущая, как предательски краснеют мочки ушей. — За завтраком ему звонила некая Ванесса. Боюсь, что у Ронана есть девушка.

— Живёшь в его поместье ты, а не Ванесса. Подумай об этом на досуге.

Разговор с Патриком добавляет ещё больше пищи для размышлений.

Что, если он прав? Стал бы Ронан помогать, если бы я была ему безразлична? Ох, кажется, я уже сама себе надоела с этим вопросом.

Может быть, дело в том, что мне пора перестать сомневаться в себе?

День пролетает незаметно. Работа всё же увлекает меня в свой трудоёмкий процесс, и я улетаю в мир галереи и искусства. Правда, до этого трачу несколько добрых часов на поиски нового жилья. Безуспешные поиски, если быть точнее.

Никто из арендодателей не спешит сдавать квартиру одинокой девушке с домашним животным, а некоторые и вовсе сбрасывают звонок при одном упоминании о кошке. Сказать, что я расстроена, это ничего не сказать. Внутри клокочет целое торнадо негодования.

Есть и те, кто, скрепя сердце, соглашается на показ квартиры, но при условии, что при заселении я внесу депозит в двойном размере от аренды. Моё финансовое положение не позволяет подобных трат, поэтому я решаю отложить поиски на следующий день и не горячиться. Вдруг произойдёт чудо и нам с Ириской повезёт найти себе новый дом мечты?

Вечером на выставке мне удаётся расслабиться и полностью посвятить себя консультации. Это приносит плоды, и коллекционер из Барселоны, случайно оказавшийся в Дублине, с моей лёгкой руки забирает в свою коллекцию одну

из работ Вайолет Эшфорд. Это удивляет, учитывая, что данная серия позиционирует себя как феминистическая и демонстрирующая, что женщины жили бы гораздо счастливее без мужчин на земле.

И что самое удивительное, во время консультации до меня вдруг доходит, что порой я и в самом деле предвзята к себе. Придирчива и до ужаса строга.

Я решаю, что сегодня обязательно буду вести себя иначе с Ронаном. Да, я собираюсь съехать, но это не означает, что я не могу попытаться измениться. Я перестану корить и мысленно ругать себя за каждое не по плану сказанное слово. Научусь принимать его мужское внимание с полным достоинством.

А когда Ронан присылает короткое сообщение:

«Во сколько ты сегодня заканчиваешь?»

Я и вовсе готова взмыть к небесам из-за ниоткуда появившейся уверенности. Хотя, признаться честно, мысли о некой Ванессе добавляют ложку дёгтя.

Однако мой настрой поубавляется, и на его место плавно приходит лёгкая грусть с толикой разочарования. Стоит мне выйти в ночи из галереи, как я вижу у припаркованного автомобиля далеко не Ронана. Вместо него меня с работы забирает водитель и без остановок доставляет в поместье Блэквудов.

Всю дорогу я кусаю губы, размышляя о том, почему Ронан не приехал лично. Я наивно полагала: раз он уточнил время,

значит, заберёт меня, но, как выяснилось, он сделал это с целью передать информацию другому человеку.

Прежняя Агата бы расстроилась, но новая смотрит на это с другой стороны. Ронан в любом случае думает обо мне. Он отправил водителя, а значит, ему небезразлично, каким образом я доберусь до его дома.

Мой план стать уверенной в себе Агатой грозит разлететься на тысячи мелких осколков, но я решаю хотя бы на время своего пребывания в особняке придерживаться его. В конце концов, меня сюда привёз сам Ронан. Значит, на несколько дней я имею право перестать чувствовать себя здесь незваной гостьей и расслабиться.

По прибытии меня встречает миссис Бёрк, уточнив, желаю ли я сразу приступить к ужину или для начала хочу отдохнуть. От, казалось бы, обыденной вежливости и скорее учтивого тона внутри разливается живое тепло.

Ещё управляющая сообщает, что Ириска весь день провела на свежем воздухе, а сейчас отдыхает в нашей с ней спальне. Эта новость вызывает на моих губах улыбку. С моей кошкой здесь обращаются как с королевой.

Поблагодарив женщину, сообщаю, что для начала хочу немного прийти в себя с дороги. На самом деле это обусловлено тем, что я намеренно оттягиваю время, желая дождаться приезда Ронана и провести время вместе с ним за ужином.

Спустя добрый час, за который я успеваю принять душ и попытаться выглядеть презентабельно для кое-кого, горнич-

ная сообщает, что поздний ужин подан. В приподнятом настроении решаю, что Ронан приехал, но стоит мне спуститься на первый этаж и найти восточную гостиную, как внутри всё падает от вида сервированного стола на одну персону.

— Мистер Блэквуд просил убедиться, что вы поели, — доверительно произносит миссис Бёрк, приглашая тем самым присесть.

— А сам мистер Блэквуд не присоединится к ужину? — стараюсь звучать мягко, оглядев гостиную целиком.

— Боюсь, что его нет в поместье. Если что-то понадобится, Сильвия с радостью вам поможет, — деликатно сообщает она и, кивнув, разворачивается к выходу.

— Миссис Бёрк, простите за такой вопрос… Но во сколько мистер Блэквуд обычно возвращается? — набравшись решимости, окликаю её вслед.

— Мистер Блэквуд предпочитает оставаться наедине в своей квартире, — женщина вынужденно останавливается и снова поворачивается ко мне. В её тоне нет ни капли раздражения или злости за мои любопытные вопросы.

— То есть он здесь не живёт? — мрачнею, ощущая странный укол в груди.

— В поместье после смерти отца мистер Блэквуд нечастый гость.

Ужин не задаётся с самого начала по понятным причинам. Оставшись одна, я заставляю себя съесть несколько кусочков спаржи и томлёной говядины, но аппетита совершенно нет,

поэтому благодарю горничную и скрываюсь в своей временной спальне.

Ронан не живёт здесь. Он привёз меня в поместье, а сам предпочитает оставаться в Дублине, в квартире.

Не знаю почему, но от этого факта во мне всё угасает. Словно кто-то берёт и отключает яркие краски, оставляя серые и безжизненные цвета.

***

31 января (БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ БУДУ КРАСИТЬСЯ!!!!!)

«Привет, дневничок.

Прости, я сто лет тебе не писала. Просто мне не хотелось. С тех пор как Деклан уехал в Англию, в моих глазах кто-то взял и выключил все яркие краски.

Мне так сильно его не хватает, что иногда хочется реветь в подушку. Перед отъездом он обнял меня на прощание и сказал вести себя хорошо. Я и так веду себя хорошо, иначе мама будет ругаться. Но ему я, конечно, так не ответила, а дала словобыть послушной.

Деклан обещал привезти мне подарок из Лондона. Не нужен мне никакой подарок, пусть лучше сам поскорее возвращается.

Зато приехала Лилит! Я очень рада, но Декса она мне всё равно не заменит.

Лил каждый день вспоминает о соревнованиях, а сегодня дала мне примерить свою медаль. Хорошо, что из нас двоих хоть она имеет таланты. Девочки в классе говорят, что женской дружбы не существует. Это одна из них вычитала в модном журнале. Но я не согласна. Лилит моя лучшая подруга, и я её люблю.

Она меня тоже!

Сегодня Лилит сказала, что устала от моей кислой физиономии, и предложила накраситься. Её мама купила ей в Нью-Йорке целую гору косметики! В общем, мы закрылись в моей комнате и устроили настоящий салон красоты, прям как у мамы Лил. А потом Лилит взяла и подарила мне блеск для губ! Я сначала дико испугалась. Помню, как мама в прошлый раз ругалась из-за того браслета, который Лилит мне отдала. Было столько крика, будто я его украла. Лилит сказала не париться и на этот раз спрятать блеск. Я так и сделала.

Знаешь, дневничок… я смотрела в зеркало, и мне правда нравилось, как я выгляжу. Мои губы красиво блестели. Я подумала, что наконец-то выгляжу взрослой.

Вечером, когда мама должна была прийти с работы, я специально достала тюбик и снова накрасила губы. Мне так хотелось её одобрения. Хотелось, чтобы она зашла, увидела меня и сказала, что я красивая.

Но мама посмотрела на меня своим этим ледяным, взглядом и сразу выдала:— Всё пытаешься быть похожей на Ли-

лит?

Мне так обидно стало, до слёз в горле.

— Я не пытаюсь, — тихо сказала я. И я правда не пытаюсь! Зачем мне быть ей? Я — это я!

Мама даже слушать не стала. Сказала самым противным строгим тоном:— Тогда сотри это немедленно. И чтобы впредь я этот блеск на тебе не видела. Он тебе совершенно не идёт.

Я ушла в ванную и тёрла губы полотенцем до тех пор, пока они не заболели.

Наверное, мама права. Она всегда права. Если блеск мне не идёт, значит, я не такая красивая, как Лилит.

Больше никогда не буду краситься!!!!»

Глава 12 Почти признание

Наутро я просыпаюсь заведомо без настроения, и даже игривость Ириски и её непреодолимое желание покусать мои пальцы не заставляют почувствовать себя лучше.

В таком же невесёлом темпе проходит и весь тянущийся день. Завтракаю я, как и ужинала, в гордом одиночестве. В галерею меня отвозит водитель, а от Ронана нет ни единой весточки.

Вполне можно было бы написать ему или позвонить под предлогом узнать, как обстоят дела с моими вещами. Да только прошлым вечером я увидела, что весь гардероб уже аккуратно развешан в спальне, а это означает, что имущество вывезли из квартиры. Конечно, я могла бы уточнить, куда отправилась немногочисленная мебель, посуда и прочие вещи. Особенно волнует та самая коробка с дневниками. Или поинтересоваться, как продвигаются поиски квартиры.

Но я не делаю этого. Не звоню и тем более не пишу. Во мне сидит маленький червь, подначивающий: не навязывайся ему!

Если бы Ронан хотел написать, то написал бы сам. Если бы хотел увидеться, то приехал. А значит, мне не стоит искать поводы и навязываться.

Впрочем, на этом неприятности не заканчиваются.

Патрик не выходит на работу, а значит, снова пьёт. Меня

беспокоит его пристрастие к алкоголю, но Финн говорит, что все методы борьбы испробованы и бесполезны. Ничего не помогает. Пока Патрик сам не захочет, он не перестанет пить и не изменит собственную жизнь.

И всё же липкое чувство вины не оставляет меня в покое. Что, если наша вчерашняя беседа всколыхнула то, что Патрик предпочёл бы не вспоминать? Вдруг это оказалось последней каплей, приведшей к очередному срыву?

Настроение хуже некуда, и удачная продажа нескольких работ на выставке не способна его поднять.

— Интересно, как долго это продлится? — дождавшись, когда никто из посетителей не нуждается в помощи, Клэр преграждает мне дорогу. Лицо коллеги, как и всегда, не выражает ни капли доброжелательности.

— Что именно? — недоумённо уточняю я, бегло оглядев зал.

Клэр скрещивает руки на груди и коротко усмехается, словно поражаясь моей наглости.

Смерив меня уничтожающим взглядом, она цедит сквозь зубы:

— Твои дешёвые уловки уводить моих постоянных клиентов.

— Я никого не уводила…

— Дилан Фостер — мой постоянный клиент! — резко перебивает она. — А ты взяла и внаглую к нему прилипла!

Клэр повышает на эмоциях голос, и я машинально огля-

дываюсь по сторонам, надеясь, что посетители не слышат.

— Клэр, я обслужила посетителя, как того требуют правила галереи. У меня не было и нет намерения забирать твоих клиентов, — не хочу оправдываться, но всё равно приходится. — Я не знала, что мистер Фостер — твой постоянный покупатель. Более того, я впервые увидела его сегодня.

— Ты можешь притворяться перед Финном и перед этим несчастным алкоголиком Патриком, но я твою фальшивую натуру насквозь вижу!

Обида обжигает грудь с такой силой, что к глазам подступают слёзы. Меня не должно задевать чужое мнение, но именно это и происходит.

Я ведь не такая!

Первым порывом хочется возразить, но почти сразу приходит горькое осознание: что бы я ни сказала, Клэр всё равно не изменит своего мнения.

И всё же я впервые решаю не промолчать. Не для того, чтобы переубедить её, а чтобы наконец защитить себя. Это желание рождается так внезапно, что удивляет даже меня саму.

— Странно слышать обвинения в фальши от человека, который улыбается клиентам в лицо, а потом обсуждает их за спиной. — Смаргиваю слёзы, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Тело бьёт мелкая дрожь, но я не отвожу взгляд от побагровевшего лица Клэр. И только когда она со злостью стискива-

ет челюсть, разворачиваюсь и быстрым шагом ухожу прочь.

Боже, я посмела дать ей отпор! Высказала то, что давно меня гложет! Каждый раз, стоило Клэр начать шептаться с Меган о клиентах, обсуждая их внешность, недостатки или далеко не самый приятный характер, мне становилось не по себе. Как можно улыбаться человеку, а спустя минуту злословить у него за спиной?

Внутри бушуют противоречивые эмоции. Я одновременно рада и до сумасшествия горжусь собой, но вместе с тем переживаю: не возненавидят ли они меня с Меган ещё сильнее?

Не успеваю я войти в Малый зал, как меня останавливает голос начальника, вырывая из скачущих мыслей.

— Агата? — негромко окликает он, подзывая коротким кивком. — В чём дело?

— Всё в порядке, — лгу, тактично умолчав о стычке с Клэр.

Во-первых, я считаю неправильным посвящать руководство в конфликты между коллегами, а во-вторых, просто не хочу этого делать.

— В таком случае почему ты гуляешь по галерее, а не занята работой? — мистер Полански делает шаг, сокращая между нами расстояние до минимума.

— Я не гуляю… — осекаюсь на полуслове, шумно вдохнув.

И дело вовсе не в Финне и не в том, что начальник ре-

шил отчитать меня прямо посреди выставки. Пульс внезапно сбивается с привычного ритма, а воздух вокруг сгущается. И я прекрасно знаю причину происходящего.

Я чувствую его присутствие раньше, чем поднимаю взгляд ко входу в зал и замечаю фигуру Ронана, уверенно движущегося в нашу сторону.

Отдалённо до меня долетают обрывки фраз мистера Полански:

— Агата, ты меня слышишь?

Слышу, но ничего не могу с собой поделать. И оторвать взгляд от Ронана тоже не могу.

— Почему миссис Джонс стоит одна? Ты лучше всех знаешь, какое пожертвование в фонд художников она сделала на прошлой выставке, — недовольно продолжает Финн.

— Простите. Я…

Проследив за моим взглядом, Финн оборачивается и тут же понимает причину моего ступора. Высокая фигура в чёрном уже возвышается рядом с нами.

— Мистер Блэквуд, — тон господина Полански мгновенно меняется на доброжелательный. — Рады снова видеть вас.

А вот по лицу Ронана нельзя сказать, что он рад этой встрече. Мягко коснувшись моей поясницы, он ненавязчиво вынуждает меня сделать шаг в сторону, увеличивая расстояние между мной и Финном.

Судя по всему, хозяин галереи тоже улавливает недовольство, сквозящее в каждом жесте Блэквуда. По крайней ме-

ре, именно об этом говорит то, как, прочистив горло, мистер Полански поспешно отступает на шаг.

— Добрый вечер, — в ответ Ронан лишь коротко кивает, но в его голосе нет и намёка на приветливость.

Вдох застревает в лёгких, смешиваясь с ароматом его парфюма. На несколько сладостных секунд позволяю себе раствориться в ощущении его близости, но всё же осторожно отстраняюсь.

Не потому, что хочу этого, а потому, что боюсь последствий. Что, если после этой сцены меня лишат и сегодняшнего процента с продажи картин?

— Интересуетесь новыми картинами или просто заглянули? — не теряет надежды завязать диалог начальник.

— Закончил с делами пораньше и решил заехать за тобой, — полностью проигнорировав Финна, Ронан не сводит с меня пристального взгляда.

В воздухе повисает неловкое молчание, а меня накрывает очевидное смущение. Со стороны наверняка выглядит, будто мы пара, но Ронана это совершенно не заботит.

— Не стоило приезжать лично. Я бы прекрасно добралась с водителем, — стараюсь говорить непринуждённо, но в голосе всё равно проскальзывают нотки обиды.

На мужском лице мелькает едва заметная тень улыбки вместе с пониманием происходящего, но быстро скрывается за невозмутимой маской.

— Не хочешь ехать со мной?

— Боюсь, что ты потратил время зря. Мне как минимум нужно отработать ещё несколько часов на выставке, — отвечаю, избегая смотреть на мистера Полански.

По мере того как текут минуты за разговором, во мне разгорается тревога: Финн же не разозлится из-за того, что я беседую о личном в рабочее время?

— И мне уже пора возвращаться к своим обязанностям, — добавляю, коротко глянув на наручные часы. — Извини, пожалуйста. Я сама доберусь на такси.

В памяти всплывают слова Ронана о том, что только он решает, как распоряжаться собственным временем, но сейчас совсем другой случай. Он действительно приехал напрасно.

— Не думаю, что мистер Полански будет против, если я заберу тебя раньше.

Ронан не спрашивает и не просит разрешения. Он произносит это так спокойно и уверенно, словно вопрос уже давно решён, а Финн не станет возражать против того, чтобы один из его арт-консультантов покинул выставку до её окончания.

Начальник тем временем растерянно смотрит на Ронана.

— Рабочий день ещё не окончен…

— Хороших сотрудников стоит беречь, — спокойно перебивает его Блэквуд, неторопливо окинув взглядом зал. — Конкуренция в Дублине растёт с каждым годом. Никогда не знаешь, где поблизости откроется новая галерея.

Сгущающиеся вокруг краски заставляют меня шумно сглотнуть.

Он угрожает Финну открыть галерею по соседству? В Центре? На территории О'Коннеллов?

На лице начальника на мгновение проступает понимание. Всего на секунду, но этого оказывается достаточно, и я замечаю, как он напрягается.

— Разумеется, — натягивает он фальшивую улыбку. — Можешь закончить смену раньше. На сегодня ты уже проделала более чем достаточно работы, Агата.

— Но… — пытаюсь возразить, однако осекаюсь, почувствовав ладонь Ронана на своей спине.

— Собирайся, — ровным, но не терпящим возражений тоном произносит он. — Я буду ждать снаружи.

Спорить бесполезно. На препирательства и попытки настоять на своём у меня попросту не осталось сил. Слова Клэр до сих пор звенят в ушах, а неожиданное появление Блэквуда в галерее окончательно лишает способности здраво мыслить.

Если говорить начистоту, я до безумия соскучилась. Мы не виделись чуть больше суток, а кажется, будто прошёл целый месяц. Наверное, именно поэтому я задвигаю мысли о вчерашней глупости и словах, которые ему наговорила, и покорно иду в кабинет за своими вещами.

— Для избранных теперь особый график? — выгибает бровь Меган, наблюдая, как я накидываю куртку поверх лонгслива уже у самого выхода.

Ей я не отвечаю и даже не удостаиваю взглядом, молча

покидая галерею.

Как и обещал, Ронан ждёт меня снаружи, по обыкновению стоя возле припаркованной «Audi». Не говоря ни слова, помогает сесть в машину, закрывает за мной дверь и лишь после этого занимает место за рулём.

Внутри всё ещё скребётся волнение. Я не перестаю думать о том, что за своеволие мистера Блэквуда Финн вполне может отыграться на мне, лишив процента с продаж.

— Как прошёл день? — нарушает затянувшуюся тишину Ронан, плавно вливаясь в немногочисленный поток машин.

Я замечаю, что мы едем той же дорогой, которой обычно придерживается водитель, и, прежде чем успеваю себя остановить, произношу:

— Миссис Бёрк сказала, что ты предпочитаешь оставаться в городе.

Ох, что, если я подставила женщину? Быть может, не стоило говорить об этом?

— Так и есть, — спокойно подтверждает Ронан.

— Тогда почему мы едем в поместье? — повернувшись к нему вполоборота, внимательно всматриваюсь в его лицо.

— Потому что я везу тебя домой, — невозмутимо отвечает он, хотя так и хочется услышать: «А куда ещё?»

— А потом уедешь? — на удивление мой голос опускается почти до шёпота.

— Хочешь, чтобы я остался?

— Я просто уточняю, — всё так же приглушённо отвечаю

я, уже успев пожалеть, что вообще завела этот разговор. Отвернувшись к окну, вновь сосредотачиваю всё своё внимание на дороге, надеясь, что на этом разговор будет исчерпан.

— Хочешь, Агата? — настойчиво повторяет Ронан, и мои щёки предательски вспыхивают от смущения.

— Не знаю… Наверное, хочу, — едва заметно веду плечом, продолжая незаметно теребить пояс пальто.

— Но не уверена?

— Ты взрослый человек, — нахожу в себе силы глянуть на него исподлобья. — Разве моё желание способно что-то изменить?

Уголки губ Ронана едва заметно приподнимаются, словно он пытается сдержать улыбку.

— А ты этого ещё не поняла? — от его низкого, вибрирующего голоса сердце болезненно сбивается с ритма.

— Нет. Я не…

— Тебе достаточно сказать всего одно слово, и я сделаю всё, что ты пожелаешь, Агата.

Глава 13 Полутона

Признание Ронана продолжает стучать в висках, не позволяя отвлечься ни на секунду. Я думаю о его словах, пока поднимаюсь в свою спальню, вновь и вновь прокручивая в памяти наш разговор, пока переодеваюсь к ужину.

И даже направляясь в южную часть особняка, всё ещё мысленно возвращаюсь к нему.

Мне так и не удалось ответить Ронану ничего вразумительного. Да и что можно на такое сказать? За всю мою жизнь ни один человек не говорил подобных слов, поэтому я не знаю, как реагировать. Да и сам он за всю дорогу больше не произнёс ни слова. Каждый из нас был поглощён собственными мыслями. Может, Ронан вообще пожалел об этом?

С наступлением вечера территория поместья выглядит ещё прекраснее. Не обращая внимания на прохладный ветер, я выхожу на террасу и, ощутив странный трепет где-то глубоко внутри, невольно задерживаю взгляд на широкой мужской спине.

Ронан стоит у лестницы, ведущей вниз, но, услышав мои шаги, оборачивается. Тёмный взгляд неторопливо скользит по мне, и я неожиданно радуюсь тому, что не поленилась и надела платье вместо привычного строгого офисного наряда. Глупо, наверное. Но из-за всего сказанного в машине мне вдруг захотелось выглядеть для него красивой.

— Проходи, я не кусаюсь, — Ронан не улыбается, но в его низком голосе проскальзывает странная, почти неощутимая мягкость.

Я делаю шаг вперёд, чувствуя, как неловкость забирает меня в свой невыносимый плен. Мой план вести себя с ним уверенно грозит провалиться, но я изо всех сил стараюсь не ударяться в рефлексию.

Ветер на террасе за пару секунд становится прохладнее, заставляя меня повести плечами, но я упрямо стараюсь выглядеть невозмутимой. Ронан молча переводит взгляд на мой далеко не тёплый наряд для ужина на открытом воздухе, хмурится, а затем берёт с перил аккуратно сложенный шерстяной плед.

Воздух покидает лёгкие, стоит мистеру Блэквуду подойти со спины. Я не смею пошевелиться, ощутив его тяжёлые ладони, опустившиеся на мои плечи вместе с мягкой тканью. Ронан не задерживает руки дольше положенного, но в груди всё равно начинает трепыхаться искреннее смущение.

— Спасибо, — скромно произношу на выдохе, слегка повернув голову к мужчине.

Происходящее вокруг ощущается чем-то нереальным. Словно я оказалась в сказке или являюсь главной героиней на картине именитого художника.

В памяти отчего-то всплывает вчерашний разговор с Патриком. Неужели он прав, и Ронан действительно не делит людей на уровни, в отличие от меня?

— Давай ужинать. Не ел весь день, — безумно по-простому сообщает он, приглашая спуститься в освещённый наземными фонарями сад.

Спускаясь по вымощенным камнем ступенькам, ступаю на сочный газон. В воздухе витает всё тот же восхитительный аромат цветов и свежескошенной травы.

Украдкой вдыхая райские ароматы, я переношусь в беззаботное детство, особенно во времена школьных каникул. Тогда можно было весь день проводить на свежем воздухе и бездельничать.

Только я выросла, нахожусь не в поместье О'Коннеллов, а рядом совершенно другие, чужие и незнакомые лица. Все, кроме Ронана, выдвигающего для меня плетёный стул около сервированного стола.

— Вы, как всегда, очень галантны, мистер Блэквуд!

— Всегда рад, мисс Мерфи, — не остаётся он в долгу, одаривая меня своей ослепительной, добродушной улыбкой.

Есть при Ронане я, естественно, стесняюсь. Возможно, всему виной отсутствие аппетита, а возможно, энное количество признаний, тянущих за собой тонкие нити недомолвок.

Светловолосая девушка в униформе появляется на террасе, аккуратно разливая красное вино по бокалам. Первым порывом я хочу отказаться от алкоголя, вспоминая, чем закончилась наша с Лилит вылазка в паб Киллиана, но решаю, что расслабить нервы не помешает.

Первый глоток ощущается чем-то спасительным. Можно

подумать, я провела несколько дней в пустыне и наконец добралась до источника с живительной водой. Неспешно смакуя вино за ужином, уже на втором глотке понимаю, что постепенно успокаиваюсь и внутреннее напряжение спадает. Даже съедаю пару кусочков мяса, а третий глоток разливается приятной волной по телу.

— Наконец-то расслабилась, — замечает Ронан, откладывая приборы и откидываясь на спинку кресла.

— Это было настолько заметно? — замявшись всего на долю секунды, отодвигаю бокал подальше, решая, что этого достаточно.

— Любишь держать всё под контролем?

— В каком смысле? — недоумённо прищуриваюсь, оторвав взгляд от мерцающего за его спиной фонаря.

— Похоже, тебе не понравилось, что я забрал тебя раньше, — наклонив голову чуть набок, впивается в меня пристальным взглядом.

— Нет, всё в порядке, — мотаю головой в надежде, что этот ответ станет исчерпывающим, но Блэквуд так не считает.

— Агата, — предупреждающе протягивает он, давая понять, что мой ответ не удовлетворяет его.

В попытке избежать разговора я очень глупо и наивно решаю создать видимость, что занята разрезанием стейка. И вообще, я очень голодна, поэтому один за другим отправляю в рот восхитительные кусочки говядины.

Однако, как мы все понимаем, терпения Ронану не занимать, а судя по весёлому мужскому взгляду, он прекрасно понял мою уловку.

— Дело вовсе не в тебе. Просто у меня был тяжёлый день. Навалилось всё одновременно…

— Мы уже обсуждали это: врать ты не умеешь.

Тяжело вздохнув, прикрываю глаза на пару мгновений. Не хочу ему лгать или увиливать от правды, но и выглядеть жалкой тоже не входит в мои планы.

— Я переживаю, что меня могут ждать проблемы с начальством.

— Какие, например? — Блэквуд мастерски тянет за ниточку, заставляя меня говорить.

— Не знаю. Возможно, снова урежут процент с продажи, — легонько пожимаю плечами, улавливая в собственном голосе нотки апатии. — Не подумай неправильно, я на самом деле рада, что ты приехал!

— Снова? — не унимается мужчина.

— Финн лишил меня процента от продажи серии «Кельтских ведьм», которую ты приобрёл в первый день выставки, из-за нашего поцелуя. Он видел записи с камер видеонаблюдения. Все сотрудники галереи видели, — догадываясь, что Ронан всё равно не успокоится, не выпытав из меня правду, делюсь сразу всем. — Сотрудникам не положено так себя вести. Я сама виновата…

В воздухе повисает напряжённое молчание, слышно лишь

шелест листвы и моё прерывистое дыхание. Кажется, что сейчас Ронан разозлится или посчитает, что я виню его. Но он не делает этого, а спокойно произносит:

— Понял.

— Я не хотела портить вечер, — с досадой оглядываю наш недоеденный ужин, тяжело сглотнув.

— С чего ты взяла, что испортила его?

— Не знаю… Мне так показалось, — потупив взгляд, едва сдерживаю слёзы. Снова всё испортила. Ну почему я такая?

— Теперь ты точно подумаешь, что я ходячая проблема.

— Посмотри на меня, — звучит строгий голос, но я упрямо рассматриваю бахрому, свисающую с белоснежной скатерти. — Агата, — добавляет с нажимом, когда я продолжаю сидеть, не шелохнувшись.

Перебороть себя и столкнуться с океаном его бездонных глаз стоит неимоверных усилий. Мне ужасно стыдно, что Ронан оказался втянут в сплетни галереи. Человек такого уровня, как он, наверняка в первую очередь думает о своей репутации.

— Ты одна из самых удивительных девушек, которых я встречал. Поверь, ты ничего не можешь испортить.

— Пожалуйста, не нужно меня успокаивать, — продолжаю сокрушаться тоном обиженного ребёнка.

— Давай ты лучше расскажешь, насколько сильно скучала? — тянет Ронан лукаво, а я, не скрывая удивления, смотрю на мужчину, пытаясь понять, не послышалось ли мне.

— По кому? — переспрашиваю с замиранием сердца.

— По мне. Намёк про водителя был предельно ясен.

Да, у него определённо есть талант менять мои эмоции со скоростью света: от грусти и тоски до неимоверного смущения.

Если бы не выпитое вино, я, скорее всего, сейчас вспыхнула бы как спичка и сгорела со стыда за своё поведение в галерее.

— Хорошо, я скажу правду. Меня очень расстроило, что ты привёз нас с Ириской в поместье, а сам здесь не живёшь. Не спрашивай почему, я и сама не могу этого объяснить, — не замечаю, как подаюсь вперёд, упираясь в стол. — И… пожалуйста, не смотри на меня таким взглядом. Ты меня смущаешь.

— Каким «таким» взглядом?

— Гипнотизирующим. Я тебе все секреты сейчас готова выдать.

— А они у тебя есть?

— У всех есть.

— И какие же скрываешь ты, Агата?

Ронан задаёт вопрос скорее в шутливой форме, но у меня внутри всё болезненно сжимается, как будто я действительно должна рассказать ему правду о своём прошлом.

— А ты? — ведомая алкоголем, очень удачно перевожу на него.

— У меня их нет. Можешь спросить о чём угодно, я отве-

чу на любой твой вопрос.

Ронан превосходно выдерживает столкновение наших многозначительных взглядов с присущей ему выдержкой.

— Кто такая Ванесса? — выпаливаю необдуманно.

Сцена, в которой её имя высветилось на экране его телефона, не даёт мне покоя.

Я почти уверена, что при упоминании женского имени Ронан хоть на мгновение изменится в лице, и этого будет достаточно, чтобы всё понять. Ведь женская интуиция не может ошибаться. Но, к сожалению или счастью, ни один мускул на мужском лице не дрогнул, ничем не выдавая присутствия другой женщины в его жизни.

— Штатный юрист в Порту, — совершенно ровным, почти равнодушным тоном отвечает он. — И мой бывший партнёр.

Юрист. Отлично, значит, сотрудница, — почти расслабляюсь, но цепляюсь за последнюю фразу.

— Партнёр? У тебя, помимо этого, есть ещё какой-то бизнес?

Несколько секунд Ронан молча смотрит на меня, после чего медленно качает головой, словно соглашаясь с собственными мыслями. А затем на его губах появляется улыбка. Не насмешливая, а скорее удивлённая, и именно она окончательно сбивает с толку.

— Нет, Агата. Не по бизнесу.

Сделав небольшой глоток вина, он продолжает смотреть

так, словно узнал обо мне нечто важное. Будто я, сама того не осознавая, приоткрыла завесу тайны.

— Тогда я не понимаю, что ты имеешь в виду, — растерянно моргаю, но договорить не успеваю: на лицо падает капля. Вскинув голову к небу, наблюдаю за прорезавшей тёмную гладь ослепляющей вспышкой молнии.

Оглушающий раскат грома разносится по всему саду, и я вздрагиваю, как в детстве. Всегда боялась громких звуков, особенно таких. Мелкие капли дождя, впивающиеся в кожу, словно острые иглы, перерастают в настоящий ливень, едва мы успеваем опомниться.

Подскочив на ноги, я почему-то совсем не думаю о том, чтобы как можно скорее укрыться в особняке. Вместо этого в панике осматриваю стол, сбрасываю с плеч плед и торопливо подхватываю несколько тарелок, пытаясь спасти недоеденный ужин.

— Бери бокалы, — командую Блэквуду, прежде чем осознаю, кому отдаю приказ, и, прижав к себе посуду, бегу к лестнице.

К тому моменту, когда я вбегаю через распашные двери в холл и замечаю входящего следом Ронана, держащего в руках бокалы, в которых дождевая вода уже успела смешаться с вином, оказываюсь промокшей до ниточки.

— Зачем? — слегка приподнимает бокалы он, а я, не сдержавшись, прыскаю от смеха.

— Прости, это было инстинктивно, — качаю головой, без-

успешно пытаясь придать себе серьёзный вид. — Я иногда помогала маме у О'Коннеллов, видимо, осталась привычка.

Почему-то с Ронаном я не думаю о необходимости фильтровать речь. О'Коннеллы — заклятые враги Блэквудов далеко не в первом поколении, но я не боюсь упоминать их, потому что уверена в адекватности этого мужчины.

Ронан не отвечает. Мокрая прядка на моём лбу мешает как следует разглядеть хозяина поместья, и тогда я, не заботясь о приличиях, сдуваю её, смешно надув щёки.

Вид открывается умопомрачительный: мокрая рубашка облепила каждый его мускул, делая и без того крупное тело безумно привлекательным.

Что со мной происходит? С каких пор я с таким упоением готова разглядывать мужчин? Хотя… взять того же Финна, его бицепсы мне абсолютно неинтересны.

Мы так и продолжаем стоять друг напротив друга, не разрывая зрительного контакта. С волос и одежды обоих капает вода, но никто из нас не обращает на это внимания. И самое главное, я чувствую, что дыхание утяжеляется не у меня одной. Кожа вспыхивает жаром, когда внимательный взгляд Блэквуда медленно скользит от моих влажных пальцев к приоткрытым губам.

— Вот это погодка, — протягиваю в надежде хоть как-то разбавить тягучую атмосферу, окутавшую нас.

— Да. Погодка, — подтверждает мужчина скорее на автопилоте.

Воздух вокруг, по ощущениям, становится всё более плотным и вязким с каждой прошедшей миллисекундой. Таким, что становится трудно дышать.

Глупая фантазия почему-то решает, что сейчас Ронан сократит расстояние до минимума, притянет меня к себе и… Боже, сколько раз я воспроизводила в памяти наш первый поцелуй? Вспоминала его до мельчайших деталей и мечтала о повторении?

Но хрупкая иллюзия вместе с безумным наваждением рассеивается, стоит мне услышать взволнованный тонкий женский голос:

— Мистер Блэквуд, мисс Мерфи! — в холл вбегает запыхавшаяся горничная. — Позвольте, я заберу. Не стоило утруждаться.

Девушка смущённо отнимает у Ронана бокалы, а в это же время из-за её спины появляется вторая, забирая из моих онемевших пальцев тарелки.

Уронив руки вдоль тела, с тоской наблюдаю за суетящимся вокруг персоналом, спешно убирающим последствия ужина в саду, и понимаю, что, похоже, вечер окончен.

— Спасибо за ужин, — поднимаю благодарный взгляд на мистера Блэквуда.

Тот в ответ делает короткий кивок, и я добавляю:

— И заранее спокойной ночи.

В свою комнату я возвращаюсь практически бегом, желая как можно скорее оказаться наедине с водоворотом мыслей,

эмоций и чувств, разрывающих меня на мельчайшие атомы.

Взбегаю по лестнице совсем неподобающе даме моего возраста и спешу по тёмным коридорам, словно за мной гонятся. Скрывшись наконец в спальне, прислоняюсь спиной к тяжёлой дубовой двери. Сердце колотится в рёбрах так, будто я пробежала несколько миль, грудь тяжело вздымается, а тело всё ещё пылает, несмотря на ледяные капли, медленно стекающие по позвоночнику

Я вся горю, но далеко не из-за непродолжительной пробежки. И если кажется, что это и есть волнение, то я глубоко ошибаюсь.

Короткий, но в то же время требовательный стук в дверь вынуждает отпрянуть и замереть на месте. Ручка дёргается, и к моему шоку в комнату входит Ронан, не дождавшись приглашения. Локтем он беззвучно толкает её обратно, оставляя нас наедине с полумраком спальни.

— Что ты делаешь?..

Блэквуд преодолевает разделяющее нас расстояние одним широким шагом, бережно, но крепко перехватывает меня за предплечье и одним движением притягивает к себе.

Воздух вышибает из лёгких, заставляя меня судорожно пытаться сделать вдох. А Ронан тем временем, не оставляя ни секунды на раздумья, накрывает мои губы головокружительным поцелуем.

Остатки здравого разума покидают тело, стоит мужчине проникнуть в мой рот языком. Ноги подгибаются, отказыва-

ясь держать меня, и, если бы не крепкие ладони, сжимающие мою талию, боюсь, я уже была бы у его ног.

Весь мир остаётся за пределами этой комнаты. Исчезают тревога, недосказанность, признания и даже секреты, о которых мы говорили за ужином.

Есть Ронан и я.

Его крепкое тело, к которому я прижимаюсь, отчаянно цепляясь за воротник тёмной рубашки. Обжигающие ладони, согревающие мою озябшую кожу… и губы, которыми невозможно насытиться.

Есть мы. И наше взаимное притяжение.

— Ронан... погоди... — выдыхаю, упираясь ладонями в каменную мужскую грудь.

Я делаю это в попытке восстановить сбившееся дыхание и наполнить лёгкие кислородом, но мужчина истолковывает робкие попытки отодвинуться иначе.

— Лучше молчи, Агата, — без капли преувеличения рычит он, неожиданно подхватывая меня под бёдра. — Я и так слишком долго изображал из себя джентльмена.

Инстинктивно обвиваю его талию ногами и, обхватив ладонью шею, притягиваю ближе. Пальцы сами скользят к его подбородку, и я не могу отказать себе в удовольствии провести по колючей щетине.

— А ты разве не джентльмен?

— Далеко нет, — жёстко ухмыляется Ронан и опускает меня на кровать, нависая сверху. В это мгновение меня со-

всем не волнует ни покрывало, ни то, что мы промочим его насквозь мокрой одеждой.

Все мысли сосредоточены на одном невероятном мужчине, жадно сминающем мои губы. Каждая клеточка тела трепещет в диком предвкушении, в животе затягивается узел, и я чувствую, что пропала.

В комнате заканчивается весь воздух, когда Ронан переключается на мою влажную шею. Жадно вдыхая через рот, я плавлюсь от горячей дорожки поцелуев и откидываю голову назад, предоставляя ему ещё больший доступ. Ронан клеймит все доступные ему участки полыхающей нежной кожи. Невыносимо сладко целует, царапает щетиной, кусает.

Он делает всё, что пожелает, а я только рада. Скажу больше: хочу, чтобы этот волшебный миг продлился как можно дольше или, ещё лучше, вообще не заканчивался. Никогда!

Я до такой степени поглощена происходящим, что не подавляю рвущиеся наружу стоны и не глушу сладкие всхлипы. Не стесняюсь, не стыжусь и не зажимаюсь.

Мне нужен Ронан. Целиком и полностью.

С ним я совсем не думаю о том, что у меня почти нет опыта. Не боюсь показаться неловкой или сделать что-то не так. Я больше не боюсь боли в любом её проявлении, потому что доверяю.

Уверенными движениями Ронан стягивает с меня платье, швыряя потяжелевшую ткань в сторону. Проходится жадным взглядом по открывшемуся виду полуобнажённого те-

ла, и, клянусь, я вижу, какой огонь полыхает в его глазах.

И не меньший пожар разгорается внутри меня, стоит мужчине провести ладонью по моему дрожащему животу вверх, накрывая вздымающееся от рваного дыхания полушарие груди.

— Пожалуйста, Ронан... — молю, сама не до конца понимая о чём.

Осыпая мелкими поцелуями ложбинку между грудей, Блэквуд выглядит как человек, теряющий остатки самообладания.

— Проси всё, что хочешь.

— Я хочу, чтобы ты не сдерживался, — произношу по слогам, с перерывами на протяжные всхлипы.

И когда кажется, что мы достигли точки невозврата и обратной дороги нет, в спальне раздаётся вибрация телефона. Но не моего.

Не обращая внимания, мужчина приподнимается на постели и расстёгивает пуговицы своей рубашки.

— Ответь на звонок, — прошу, но он игнорирует просьбу.

Лишившись части одежды, Ронан возвращается на исходную позицию, и вот тогда я уже не лишаю себя возможности прикоснуться к рельефным бицепсам и точёным кубикам идеального пресса.

— Здесь командую я, — ухмыляется он мне в самые губы, вместе с тем ловко расстёгивая бюстгальтер.

— Ронан... вдруг что-то важное...

Совесть, граничащая со слабоумием, подталкивает меня вразумить мужчину и ответить на второй по счёту входящий вызов, но это бесполезно. Правда, на третьем Ронан, уже не сдерживаясь, бросает короткое «чёрт» и вынужденно отвечает, догадываясь, что дело действительно не терпит отлагательств.

Мужчина поднимается с кровати, на ходу вытаскивает смартфон из кармана брюк и жёстко рявкает в динамик:

— У тебя пятнадцать секунд.

Первые секунды Ронан молча слушает собеседника, но выражение его лица из раздражённого стремительно становится разъярённым. Под конец он и вовсе готов рвать и метать, таким я его прежде не видела.

— Понял. Выезжаю, — коротко бросает он и отключается.

Тонкая нить разочарования утаскивает меня в свои сети. Знаю, что сама подтолкнула его не игнорировать звонок, но от этого не легче.

Действуя на опережение, я спешно подтягиваю к себе мокрую ткань платья, прикрываясь.

— Всё в порядке, — заверяю, но сама не уверена, что это так.

При взгляде на меня его яростный взор всё же теплеет. Подхватив с постели свою рубашку, Ронан наклоняется и прижимается горячими губами к моему лбу.

Это не объяснить словами, но я инстинктивно чувствую, что это своеобразное извинение.

— Мы обязательно продолжим. Но не сегодня, — обещает он сиплым голосом. — Сладких снов, Агата.

Ронан покидает спальню, не добавляя больше ни слова, а я остаюсь сидеть в темноте, слушая стук дожд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.